

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ

Отчет.
 Великий обман.
 Задачи завтрашнего дня.
 Кто сидит в комм. тюрьмах?
 Доклад китайской делегации.
 Кронштадт. — Париж. Комм. России.
 Кто виноват?
 Революция умерла—да здрав. революция.
 Анархическая революция.
 Заявления.

О Т Ч Е Т.

ПРИХОД ПО "В."

Виль—н	—	—	4.05
Д-т Гр. №1 д. пож. на "В"	5.05		
" " за "В"	3.15		
Лош—и К. за "В"	—	3.55	
" " доб. пож. на "В"	1.45		
Га—рд доб. пож. на "В"	12.00		
" " за "В"	—	6.25	
Ру—лис доб. пож. на "В"	2.50		
С. Эиглес	"	"	2.50
И. Фр—и	"	"	1.00
Дм. и Малах за "В"	—	4.00	
Бол—ре Р. В. О. д. пож.	13.00		
К—ра доб. пожертв.	—	1.40	
Л. Сет—в	"	"	5.00
Бай—н за "В"	—	6.40	
Ел—т	—	—	14.05
Во—ри	—	—	9.00
М—ан	—	—	1.50
Д—т гр. № 1 за "В"	—	16.50	
Ани—Ар—ра	—	—	1.50
Вел—нд К. за "В"	—	11.85	
Мол—кий доб. пож.	—	2.00	
Бол—ре за "В"	—	35.85	
Ч—го за "В"	—	—	23.05
Бонес Айрес Арг. за "В"	15.35		
Ро—ер доб. пож.	—	20.00	
Ии—л Фил. за "В"	—	2.10	
Н. И. за "В"	—	—	8.25
Итого	—	—	228.30
ЗА ЛИТЕРАТУРУ.			
Вил—н	—	—	6.70
В—бури	—	—	2.35

Сем—к	—	—	—	7.25
Вел—д К.	—	—	—	7.00
Ч—го	—	—	—	9.30
"Амер. Изв."	—	—	—	10.00
Итого	—	—	—	42.60

ПОМОЩЬ АНАРХ.

Дет—т	—	—	—	10.00
Ии—л Фол.	—	—	—	14.45
Неизвестный	—	—	—	1.00
Гар—д	—	—	—	25.00
И. В.	—	—	—	1.00
Гри—нт	—	—	—	11.00
Итого	—	—	—	62.45

ОБЩИЙ ПРИХОД.

За "В—ну"	—	—	228.30
" Лит—ру	—	—	42.60
Пом. Анарх.	—	—	62.45
В Кассе на 1-го Марта	133.75		
Итого	—	—	467.10

РАСХОД.

Набор № 27 "В"	—	30.00
Машины	—	— 30.00
Печать и бумага	—	100.00
Перевоз мет.	—	1.00
Эксп. из Дет.	—	1.60
Упложено за книгу Анарх. и В. Р. Р.	—	— 0.35
Пересылка "В"	—	8.98
Упаковка "В"	—	1.50
Пом. Р. К. за фев. и мар.		7.00
Итого	—	180.43
Приход	—	467.10
Расход	—	180.43
В Кассе на 1-ое Апр.		286.67

ВЕЛИКИЙ ОБМАН.

А. К.

(Роль большевизма в русской революции).

Великая русская революция, возвестившая миру конец капиталистической неволи, и приступившая, было, к построению трудового общества рабочих, замирает ныне в цепких объятиях коммунистического государства. Начавшись под могучими лозунгами народа: "Фабрики—рабочим! Земля—крестьянам!" Она, в наиболее ответственный момент своего развития, в момент низвержения капиталистического режима позволила укрепиться новой государственной организации, взять ей под свой контроль и руководство важнейшие области революции. Этим самым в корне были подрезаны основы революции — революционная инициатива и самостоятельность масс — и это в значительной мере предreshало дальнейшую судьбу революции. Отныне она становится безвольным орудием в руках нового государства, почвой, на которой последнее производит партийные эксперименты. Или же становится жертвой и объектом жестоких расправ и усмирений, если, пытаясь спастись, судорожно хватается за низвергнутые большевизмом принципы самостоятельности и трудового самоуправления масс.

Обратимся к истории и фактам коммунистической диктатуры в России.

Большевики, как и весь современный социализм, является движением к власти не рабочих масс, а особой социальной группы, стоящей промежуточно между трудом и капиталом — социалистической демократии. Опираясь всецело на рабочие массы в борьбе с капиталистической системой, он в свою очередь стремится к власти над ними и, достигнув ее, обращается в такого же непреклонного деспота, как и всякая власть, сверху управляющая народом. Россия является примером этого.

Революция в России 1905—7г. г., не подняв широких масс рабочих и крестьян, потерпела поражение. Причины этого поражения заключались в чисто демократических (политических) лозунгах революции, не смогших увлечь на борьбу большие народные массы. Урок — исторический и его здраво учел большевизм — левое крыло русской социал-демократии. Он увидел, особенно в момент мировой империалистической войны, что о чисто политической революции в России не может быть и речи, что в рабочих и крестьянских массах назрел и стал во весь рост вопрос социальный. Не видеть его, — значит вновь совершать глупость, которая на этот раз будет стоить партии всей ее исторической карьеры.

Исходя из такого наблюдения и чтобы не остаться в хвосте массового движения, большевизм решил принять его социалистические лозунги. Разрушение капиталистической системы стало его задачей дня. Но являясь верным детищем международной социалистической демократии, большевизм принял революционные лозунги масс внешне, демагогически, с исключительной целью завоевать доверие масс и использовать их великое движение в классовых интересах демократии.

"Социальная революция", "диктатура пролетариата", "национализация народного хозяйства" и т. д. — все эти лозунги большевизм выдвинул не как цель трудящихся, а как свою тактику, свою политическую стратегию в отношении масс, стратегию, которая безопытно должна была привести его к власти над ними.

Благодаря этой своей стратегии, насилию и обману и благодаря волевой и организационной распыленности масс в 1917 году, боль-

шеvizму удалось подсунуть им свои цепкие партийные органы, достигнуть руководства революционным движением и укрепиться у власти.

Таковы в сжатых словах исторические предпосылки восшествия большевизма к власти.

В чем заключается сущность большевистского коммунизма?

В абсолютном огосударствлении всех форм народной жизни. Не только промышленность, транспорт, образование, органы питания и т. д. об'являлись собственностью государства, но весь рабочий класс в целом, каждый работник в отдельности, его труд и энергия, профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян были огосударствлены. Государство — все, отдельный рабочий — ничто. Это одна из главнейших заповедей большевистского коммунизма. Но государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем.

На практике огосударствление дало рабочим милитаризацию труда, которая привела их к абсолютному бесправью в производстве, а их профсоюзы превратила в органы полицейского надзора над массами. В условиях жизни рабочего, все, даже самая малейшая деталь, регулировалась государством и даже право бороться или думать об улучшении своего положения было отнято у него, т. к. это в коммунистическом государстве было сочтено делом контр-революционным.

Огосударствление в деревне, не могло быть проведено в таком виде, как в городе, там оно приняло более примитивные формы, выразившись в знаменитом законе о продразверстке, по которому все продукты крестьянского хозяйства, за исключением минимума, необходимого на прокормление самих крестьян, отбирались военным порядком в пользу государства.

Трудовые массы России, совершившие великую революцию и вдохновлявшиеся в ней принципами свободы и равенства, не могли ос-

таться равнодушными к такому чудовищному искажению революции. Они неминуемо должны были подняться на борьбу за нее. И борьба между революционными силами народа и большевистской реакцией началась.

Прежде всего крестьянство. Оно совершило огромное дело в революции: еще до октябрьского переворота оно разрушило формы старого землепользования, отняло землю у помещиков, изгнали их из их крепостнических владений. На ближайшее время оно хранило в себе неисчислимые революционные возможности — оно стояло накануне установления трудовой хозяйственной связи с рабочими городов и являлось единственной силой, способной организовать подлинное коммунистическое хозяйство. Большевизм разбил эти возможности. Будучи преисполнен государственнической мании, он подошел к решению такого важного в революции вопроса, как продовольственный, с местом категорического императива. Словами Ленина, большевизм об'явил священную войну деревне, решив достать у него хлеб военным порядком. Многочисленные военно-продовольственные отряды, вооруженные артиллерией и пулеметами, были пущены на крестьян. В 1918 году не было в России деревни, которая бы не испытала на себе этого преступного нашествия. Отсюда стала образовываться трещина в революции. И трещина эта, что ни дальше, все увеличивалась, разлагая революцию идейно и организационно.

Для борьбы с крестьянством Комвласть выделила ряд армий в несколько сот тысяч человек, которые в продолжение всего периода революции воюют с крестьянами в разных местах России. И воюют с ними не за революцию, а как раз против нее. Это особенно ярко видно на примере Украины. Там, начиная с 1920 г. бесценно стоит большевистская армия свыше полумиллиона человек, воюющая главным образом с революционными крестьянскими движениями. Но более мощным, типичным и центральным среди этих движений

ляется движение махновское. Большевики по своему положению правящей государственной партии, называют это движение, как и все прочие движения, протестующие против их цезаризма, бандитским. Но это избитый, казенный прием казенных людей.

Махновщина — широкое движение крестьян и рабочих к независимости от центральной власти, к трудовому общественно-экономическому их самоуправлению. Элемент анархизма в высшей степени присущ этому движению. Военно-политический договор, состоявшийся между большевиками и махновцами в октябре 1920 г. в г. Харькове, показывает, что представляют собою договаривающиеся стороны и из-за чего между ними идет борьба. В этом договоре большевики потребовали: а) чтобы махновцы отказались от агитации против советской власти, б) чтобы армия махновцев встала в подчинение высшим органам красной армии. Махновцы потребовали: а) освобождение из тюрем всех махновцев и анархистов, б) предоставления махновцам и анархистам права свободно исповедывать и распространять свои идеи; в) право для рабочих и крестьян махновского района создавать у себя на местах вольные органы экономического и общественного самоуправления. Беглый просмотр приведенных параграфов убеждает нас, что перед нами два несоединимые течения — государственническое и народное.

Мы знаем множество примеров величия и героизма украинского крестьянства, когда оно, борясь с контр-революциями разных направлений, пыталось создать и укрепить новые формы общежития — свободные трудовые коммуны, вольные советы, пыталось затем сорганизоваться на пространстве громадных тысячеверстных районов (Приазовье) в единую революционную силу. Но атакованные армиями большевизма, оно после трех лет борьбы было разбито, понесши громадные жертвы во имя социальной революции. По самому скромному подсчету, украинское крестьянство, борясь сначала с контр-революцией гетмана Скоропадс-

кого, затем против Деникина, Петлюры, Врангеля и большевиков потеряло около 200 тыс. человек убитыми или искалеченными. При этом наибольшее число жертв вырвал у них большевизм. Села Гуляй Поле, Б. Михайловка, Новоспасовка, Гусарки и ряд других пострадали больше всего. Каждый приход в эти села большевистских дивизий сопровождался расстрелами местных крестьян десятками и сотнями. А мы знаем случаи (с. Новоспасовка Бердянск. уезда), когда большевики за любовь к Махно истребляли целые семьи вплоть до грудных детей и когда, чтобы не тратить лишнего патрона, мать заставляли брать на руки грудного ребенка и одним выстрелом поражали их.

Террор, массовый истребительный террор является в руках большевиков единственным методом в отношении революционного крестьянства.

Даже такое народное несчастье, как голод Поволжья, они прежде всего использовали в террористических целях: около 20 июля 1921 г. (возможна ошибка в дате) Ленин издал приказ сформировать из голодающего населения Поволжья отряд милиции в 20.000 человек и послать его на подмогу украинской продмилиции для успешного выполнения налоговой кампании на Украине. Затаенная мысль этого приказа ясна — уzmученный, отчаявшийся от голода крестьянин Поволжья за кусок казенного хлеба легче других пойдет с насилием на своего же брата.

Та же система терроризма живет в отношении всякого революционного движения городских рабочих. Первые попытки рабочих многих городов социализировать предприятия на началах рабочего самоуправления были объявлены коммунистической властью партизанскими, контр-революционными и раздавлены ею в самом зародыше. Наиболее же упорные и настойчивые в своих революционных стремлениях рабочие были брошены в тюрьмы или казнены. Малейшая критика Компартии объявлялась кощунственной, противодействие ей — изменой революции, караемой смертью.

Единственно законной, непогрешимой и революционной была провозглашена коммунистическая партия... Открывалась ничем неограниченная диктатура вожаков большевизма, диктатура, которая в своей ненависти ко всему независимому и свободолюбивому умертвила великую спутницу пролетариата во всех его революционных движениях — свободу мысли и исповедывания своих идей. И с этого момента началось дикое слепое истребление всего противного большевизму.

В 1918 году повсеместно были разгромлены анархические организации. Тогда еще большевики, по ложной скромности, мотивировали разгром сомнительным, в революционном отношении, составом организаций. В 1920 г. в ноябре и 1921 г. в марте, советская власть арестовала всех анархистов исключительно за исповедывание анархических идей. В таком же порядке арестовывались сторонники других политических течений.

Летом 1921 г. группа заграничных делегатов, приехавших в Москву на Международный Конгресс Профсоюзов и оказавшихся анархосиндикалистами, сделала советскому правительству запрос о заключенных и голодающих в московских тюрьмах анархистах, прося их освобождения.

"Они бандиты и контр-революционеры" — было ответом Троцкого, Бухарина и др. представителей советской власти. Это, конечно, ложь, которой большевики обычно прикрывают свои преступления. И делегация, которой давался такой ответ, не сомневалась в этом. Но кто бы мог подумать, что начав это дело ложью, большевики закончат его чудовищным преступлением для оправдания перед лицом заграничных рабочих своей террористической тактики в отношении анархистов, они фальсифицировали процесс анархистов, в котором за ряд уголовных убийств, грабежей и попытку печатания фальшивых советских денег осудили и казнили чистейших и честней-

ших работников анархистов — Фаню Барон и Льва Черного. Мы говорили фальсифицировали, так как помимо того, что названные анархисты не имели никакого отношения к уголовным фактам, установлено теперь, что идея печатания фальшивых советских денег осуществлялась агентами московской Че-ка. Под ее надзором, совместно с уголовным элементом, которым М. Ч. К. искусственно перебрасывала от себя мост к анархистам, сделав потом этих последних ответственными за свое подлое дело.

Всякое движение в массах, будь то стачка на заводе, брожение среди крестьян или бунт матросов на подобие Кронштадтского, с новой силой поднимают ярость власти против ее идейных и политических противников, и она обрушивается на них новыми и новыми взрывами террора.

Так на великих усилиях русской революции, утвердилась мрачная сила прошлых веков — насилие немногих бездельников над трудящимся народом.

Говоря о русской революции Эмма Гольдман замечала:

"Все мы, революционеры, живя за границей, считали русскую революцию своей возлюбленной, тесно связывая русскую революцию с современной советской Россией. Лишь здесь на месте, в России, мы с ужасом видим, как жестоко обезображена Россия, как далеко она отброшена от великих лозунгов, провозглашенных ее революцией. Вместо свободы — всеобщая тюрьма, вместо жизни и радости — непрерывное насилие и расстрелы сынов революции, вместо вольного творческого труда — принудительные работы для всех рабочих и крестьян. Видя все это, испытываешь чувство большого горя, какое бывает при разбитых надеждах, составлявших смысл вашей жизни. Страшно жаль уйти сейчас от России, обманутой, раздавленной реакцией. Хотелось бы отдать свои силы на служение именно ей, но при современных условиях в России об этом и думать нечего, так как всякое, самое скромное дело в

пользу революции немедленно закончится Бу-тырками.”*)

Это слова старой революционерки, изучившей русскую действительность на месте в течении последних 18 месяцев. А как много имеется среди рабочих запада таких, которые продолжают видеть в советской России свою революционную мечту, отождествляя революционную Россию с большевизмом. Нет ничего опаснее и пагубнее такого заблуждения, Русская революция и большевизм — два антипода. Это жертва и ее палач. В истории русской революции большевизм является наиболее мрачной и тяжелой формой реакции.

Большевизм создал чудовищный всемирный обман и живет этим обманом. Растерзав русскую революцию, разметав ее силы, он в то же время оделся в ее великие принципы, выдает себя за апостола мировой-социальной революции обманно живет теми симпатиями и тем доверием, которые пролетарии мира шлют рус-

ской революции.

Центральной задачей момента русских анархистов и анархистов других стран является — разоблачить большевизм перед лицом мирового пролетариата, вскрыть его преступления в истории русской революции, осветить в то же время подлинные устремления последней, задущенные большевизмом.

Рабочий класс разных стран имеет перед собой в лице большевизма опаснейшего врага, хитрого, коварного, страстно стремящегося сначала к власти над рабочим движением, а затем к власти над рабочими классами.

Рабочие разных стран должны быть крайне осторожны и бдительны. Русскую революцию они должны изучить, серьезно, через вернейших своих представителей. А главное они никогда не должны забывать, что освобождение трудящихся может быть достигнуто только самими трудящимися.

Москва, 20 Января. 1920 г.

ЗАДАЧИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

М. Корн.

(Продолжение).

Прежде всего больше чем когда бы то ни было мы должны понимать наш основной принцип, — принцип истинного коммунизма, и не того коммунизма 40-х годов, отошедшего в историю, который большевики недавно откопали и приняли как партийную кличку, чтобы отмежеваться от слишком скомпрометированного всякими компромисами названия ”социалистов.“ Попробуем при свете этого принципа разбраться хоть немного в стоящих перед нами вопросах.

Если мы не признаем ни национализации в руках государства, ни передачи предприятий

в собственность коллективу занятых в них рабочих, то какую форму может принять переход орудий производства в руки рабочих организаций (рабочих союзов, советов, заводских комитетов и проч.?)

Прежде всего, орудия производства не смогут перейти в собственность этих организаций: они должны только поступить в пользование их. Ветер или вода, вертящая крылья мельницы собственностью ничья, также как и водопад или горный поток, дающий электрическую энергию; ими только пользуются для работы. Так же собственностью ничьей должна быть земля: ею пользуется тот, кто ее обрабатывает, но принадлежит она всем, всему населению, т. е. никому в отдельности. Точно также и машины, орудия, созданные человеческими руками: они — общест-

*) Бутырки — огромная тюрьма в Москве, служащая сейчас большевикам тем, чем во Франции служила корням Бастилии.

венное богатство, собственность всех, находящаяся в пользовании тех, кто в данную минуту работает с их помощью. Исходя из этой точки зрения, каким образом можем мы представить себе: во-первых организацию производства, во-вторых организацию распределения?

Производством не может, очевидно, заведывать никто другой как совокупность всех профессиональных организаций, занятых в данной отрасли труда, включая сюда на равных правах как квалифицированных рабочих, так и черно-рабочих, и более ученых специалистов (химиков, инженеров, техников всякого рода). Каждая отрасль труда тесно связана, с одной стороны, с теми отраслями, которые доставляют ей сырой материал, орудия, топливо и т. д. с другой — со своими потребителями (такими потребителями будут или другие специалисты или непосредственно население). Для каждой отрасли необходимы поэтому постоянное и правильно организованные сношения с теми и с другими, а так как в этих сношениях главную роль играет знание того сколько где имеется продуктов сколько их потребляется, сколько нужно произвести и т. д., то должны существовать такие группы или комитеты, которые будут собирать и разрабатывать этого рода статистические сведения. В этих руках будут все нити данной промышленности, но их задачи будут строго определены: они будут доставать сведения и только. Какое употребление сделают из этих сведений, на сколько будут с ними считаться дело не их. Они не имеют решающего голоса и могут служить только передаточным пунктом не больше. Решать вырабатывать план работы — дело профессиональных организаций, организаций специалистов. Насколько в этих организациях каждая профессиональная группа может быть автономна и независима, или наоборот, необходимо единство и согласованность работы — сказать заранее не возможно: это вопрос условия данной промышленности и ее специальных требований. Желательно однако, чтобы в каждой специальности существовала не одна центральная организация, заведующая

всеми, а большое число организаций специалистов, каждая с строго — определенными задачами. Решения этих организаций должны иметь характер не принудительных декретов, а указание специалистов — как архитекторов чертить план здания, педагог дает совет о воспитании, врач объясняет требования гигиены и т. д. В особенности нужно избегать того, чтобы принудительный характер принимали решения тех органов, которые служат необходимыми связующими звеньями — статистическими техническими или иными — между различными отраслями промышленности.

Что касается самой организации труда, то здесь желательна самая широкая свобода заводских комитетов и всяких других местных местных группировок. Они могут быть связаны общим центральным органом, или несколькими органами — это дело конкретных, местных требований. Формы этих организаций могут быть бесконечно различны; важно только одно: чтобы в них было предоставлено самое широкое поле частной и групповой инициативы и чтобы органы связи не были облечены никакой принудительной властью.

Но вот вопросы более трудные, потому что в них приходится прокладывать новые, еще неиспытанные пути. Сравнительно легко представить себе так или иначе те организации, которые будут заведывать производством. Но кто будет считаться собственником и орудий производства и произведенных продуктов, т. е. всего вообще общественного богатства? Если не государство и не отдельные профессиональные организации, то кто? Скажем, что средства производства будут принадлежать коллективностям, но что это значит реально? Кем будет представлена эта коллективность? Кто и по какому праву будет распоряжаться произведенными продуктами? В чью пользу пойдет прибыль с их продажи? Кто будет платить за труд?

Вспомним наш основной принцип "от каждого по его силам, каждому по его потребностям", и посмотрим как при свете этого принципа

В О Л Н А

ципа можно представить себе эту сторону общественной жизни. Кто будет располагать продуктами труда? Они составят общественное богатство, предоставленное ими каждому для непосредственного потребления (если это—предметы личного потребления) или тем организациям для работы которым они нужны (машины, орудия, топливо, полу-фабрикаты и т. д.) Из общего склада такие профессиональные организации будут получать все необходимое для их отрасли производства в тех размерах, в каких они потребуются; в случае если требования различных организаций превысят имеющиеся возможности, их дело будет придти между собой к соглашению — без какого бы то ни было принудительного вмешательства и распределения свыше. Точно также и для каждого отдельного человека; каждый черпает из общей сокровищницы все ему нужное; в случаях недостатка, взаимным соглашением устанавливается равноправное распределение. Распоряжаться продуктами труда таким образом не будет никто, если не считать, конечно, тех работников по распределению, которые будут мерить, весить вообще удовлетворять поступающие заказы.

Отпадает сам собою и вопрос: в чью пользу идет прибыль? Прибыли нет, ибо товары не продаются, т. е. они — вовсе не товары, а предметы потребления, на которые все имеют равные права. Коммунизм не признает сохранения частной собственности на предметы потребления раз отменена частная собственность на орудия производства, не признает хотя бы уже потому, что видит невозможность провести между ними резкую грань. Что такое например уголь? Необходимый предмет как для всякого производства так и для личного существования каждого человека.

Тенденция коммунизма сделать все предметы даровыми—как существуют теперь даровые школы, больницы, водопроводы, библиотеки, мощенные улицы, общественные сады и т. д.; все это — продукты человеческого труда, огромной траты человеческих сил, все это современная

культура сумела однако сделать даровым. Не ведь и квартира, и необходимое питание, и необходимая одежда не менее нужны человеку. На все, что дает природа и что создает труд он имеет право уже по одному тому, что он человек и живет на свете и никто не может отказывать ему в этом праве, или его урезывать. А кто может быть судьей того, что необходимо человеку и что роскошь? Здравому и сильному необходимо одно, больному и слабому — другое; то, что для одного предмет роскоши, для другого настолько необходимо, что он пожертвует для него тем без чего первый как будто бы не мог бы жить и т. д. до бесконечности. Доля каждого в общественном потреблении может определяться многими соображениями — и личными и общественными: прежде всего потребностями каждого для всего имеющегося в изобилии. Увы! опыт показал, что в момент больших общественных потрясений (войны революции) на изобилие — в первое время, по крайней мере — рассчитывать нельзя и приходится вводить в расчет общее количество имеющихся продуктов. Общий план распределения можно себе тогда приблизительно представить так. Устанавливается известный необходимый минимум (на основании размеров потребления не нуждающихся слоев общества в нормальное время), а затем вводятся по общему соглашению некоторые организации — разные для разного рода предметов и для разных категорий лиц. Как установить эти категории? Опять таки только по потребностям: привилегированные окажутся старики, дети, больные, не способные выносить лишения. Много соображений может быть кроме того, принято во внимание: нужды всей коллективности, необходимость сохранить часть продуктов на будущее время, требования обмена с другими коллективностями и т. д. и т. д. Одного только коммунизм нам не вводит в этот расчет: степени полезности данного члена общества, исполняемой им функции, затраченного им труда.

После русской революции очень популярна стала повсюду формула: "кто не работает, тот"

не ест". И в самом деле, когда мы видим, что происходит сегодня, при господстве коммунизма, когда больше всего потребляют те, кто меньше всего производит, наше непосредственное чувство подсказывает нам: все привилегии — одному только труду. Но вопреки этому естественному чувству, этому голосу возмущенной справедливости, мы все таки считаем, что не на этом принципе (как бы законом он не казался теперь когда царит другой, возмутительно — чуждый) должно быть построено здание будущего. Справедливо и понятно, напр., в момент революции мстить народа своим угнетателям, но не на мести может быть построено после победы народное царство, а на человеческой солидарности. Точно также и в распределении продуктов: давать каждому пропорционально его труду, — принцип, если хотите, справедливый, но это обывательская бухгалтерская справедливость, справедливость низшего порядка; она неизбежно становится источником новой несправедливости, и не на ней может быть построено истинное экономическое равенство. И пусть нам не говорят, что нужно прежде всего подавить и обессилить буржуазию, что классовая борьба рабочих должна прежде всего выставить принцип распределения, возвышающий труд. Ведь классовая борьба кончится с рабочей победой и разделение общества на трудящихся и не трудящихся исчезнет: возможность труда представляется каждому, а эксплуатация труда становится невозможной. Если в первом поколении еще и останутся паразиты, которые откажутся работать в свободном обществе, то число их быстро будет уменьшаться, и, во всяком случае, они будут менее обременительны для общества, чем та бесконечно сложная бюрократия, которая потребовалась бы для установления принудительного труда, определения заработной платы, контроля и т. д.. Даже простой расчет приводит к этому же, что и требование высшей справедливости

Для тех, кому все это покажется ересью по сравнению с обычными марксистскими положениями, напомним слова Маркса, что перейти

за "узкий горизонт буржуазного права" можно будет только тогда, когда оплата по труду заменится распределением по потребностям *).

Мы именно хотим пойти дальше буржуазного права и обывательской справедливости. Каждый человек имеет право на существование только по одному тому, что он — человек. А затем — также потому, что он — человек, живущий в обществе, он будет вносить свою лепту в общую сокровищницу труда. В этом единственная защита от новой эксплуатации, единственная гарантия от конфликтов без конца.

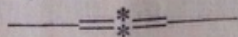
Само собою очевидно, к тому же, что если мы отвергнем формулу: государство — хозяин всего, мы неизбежно придем к этому анархическому коммунизму. Сохранение заработной платы требует существования такого административного механизма, который определял бы разные категории труда, контролировал число рабочих часов или количество произведенных продуктов, устанавливал размеры платы и т. д. и т. д. А это приведет к созданию нового государства, хотя бы и социалистического, но не менее деспотичного чем современные. Если мы этого не хотим, то единственный выход, это — отбросить самую мысль о заработной плате и о покупке товаров; это — разделить и разобщит производство и потребление, оставив между ними только ту связь, что общее количество производимых продуктов должно определяться общей суммой потребления данного населения. Это единственный порядок вещей, совместный с таким строем, где профессиональные организации заведуют производством не будучи собственниками орудий труда. Он и единственно совместим с существованием свободного, безгосударственного общества.

Мы не думаем, конечно, что на другой день после ближайшей революции все это устроится вполне гладко, без конфликтов и борьбы, без буржуазных примесей прошлого. Мы знаем, что полный и чистый коммунизм будущего не

*) Критика программы социал-демократической партии выработанной на Готском конгрессе.

сможет целиком водвориться сейчас же. Но не наше дело урезать его. Наоборот, мы знаем, что поскольку им будут вдохновляться строители будущего, постольку и будет удачна и успе-

шна их творческая работа. А потому в этом направлении и должна работать мысль и намечаться вехи будущего.

КТО СИДИТ В КОММ. ТЮРЬМАХ?

Марк Мрачный

Уже две недели прошло с тех пор, как я и несколько моих товарищей были изгнаны "рабоче-крестьянской" властью из России. Попутно, мы не успели еще совсем придти в себя после довольно долгого пребывания в московских тюрьмах, после 10-ти дневной голодовки, о которой я может Вам расскажу в другой раз, и после довольно мучительного переезда эшелонам от Москвы до Штетина, где немецкая полиция предложила нам очень любезно приют в своей тюрьме на несколько дней. Но не о нас хочется мне с вами говорить сейчас, друзья и товарищи: мы ведь все же в "демократической" стране и мы надеемся в ближайшем будущем снова приступить к нашей работе, к нашей борьбе за полное освобождение рабочих масс. Теперь, когда мы еще не имеем крова и, что еще хуже, даже правоительства в "свободной" Германии, я хочу Вам вкратце рассказать о тех борцах за экономическое равенство, за абсолютную духовную свободу, я хочу мои первые строки посвятить тем друзьям и товарищам, которые имеют надежный и верный приют в... тюрьмах "коммунистической" России. В холодных, сырых и тифозных застенках "первой в мире социалистической" республики томятся сотни наших друзей. Вы, без сомнения, уже об этом знаете из обращения, подписанного т. т. Беркманом, Эммой Гольдман и Шапиро. Здесь же я Вам расскажу о некоторых товарищах, которых я лично знаю и с которыми я коротал не веселые дни в советских тюрьмах.

Ольга Таратута. Маленькая седенькая старушка старенькая — с молодыми мечтательными глазами. Ее имя уже давно известно в анархических кругах России. В 1906-м году она была одним из самых активных членов "Южно-русской Федерации анархистов-коммунистов." В этом же году она осуждена за террористический акт, имеющий много общего с актом Анри в Париже, на 18 лет каторжных работ. Вскоре ей удается безумно-смелый побег из Одесской тюрьмы и она уезжает за границу. Тоскующая и жаждущая деятельности душа Ольги не могла удовлетворяться тихим болотцем жизни эмиграции, она нелегально возвращается в Россию, снова ведет отчаянную борьбу с угнетателями рабочего люда и с правительством Николая Кровавого. В 1908-м году О. Таратута снова в тюрьме. Ее судят за побег. Она присуждается уже на 26 лет каторги. Оторванная от жизни живой, от друзей, от горяче любимого ребенка проводит Ольга свои лучшие годы в Киевской каторжной тюрьме вплоть до революции 1917-го года.

Когда, при победной песне революции, Ольга освободилась из тюрьмы, она не могла сразу занять место между нами. Новые времена — новые песни. Новая жизнь ставила перед нами, русскими анархистами, небывалые доселе задачи и требовала совершенно другой тактики и новой организации. Маленькая внутри — групповая пропагандистская работа небольших анархических групп отмерла. Многие друзья Ольги заплатили жизнью за свои убеждения

на эшафоте или в Сибири, другие стали ей чуждыми, третьи изменили близкому ей делу. Ольга удалилась на несколько месяцев, чтобы присмотреться, ознакомиться и подумать. Ребенок ее, который был так долго оторван от нее и к которому рвалось ее сердце матери, вырос и стал ей почти чужим...

Уже сначала 18-го года Таратута снова принимается за работу. Она активный член Политического Красного Креста в Киеве. И когда вскоре Украина очутилась под грубой пятой вильгельмовских войск, ей приходится, уже нелегально, спасать от голода и смерти много революционеров, арестованных гетманом Скоропадским.

Политические события на Украине летят с кинематографической быстротой. Как марионетки сменяются "хозяева" Украины: Скоропадский, Петлюра, Раковский, Деникин и снова Раковский, не считая немецких, австрийских и польских оккупационных войск. Усиливается и растет повстанческое революционное движение под именем "Махновщины". Организуется на Украине сильное анархическое движение, которое крепнет и объединяется в "Конфедерацию анархических организаций Украины "Набат". Многие из нас, принимавших участие в работе Конфедерации, хотели к ней привлечь О. Таратуту. Но Ольга как бы "нейтральна", она, видно, еще колеблется, какую позицию нужно занять анархистам по отношению к господствующим "коммунистам". Только в октябре 20-го года в ней произошел перелом. Анархист Нестор Махно, вождь украинской революционной армии, заключил мирный договор с правительством Р. С. Ф. С. Р. против белого барона Врангеля. Согласно договора многие анархисты были освобождены из украинских советских тюрем. В Харькове и других городах Украины началась кипучая массовая открытая анархическая работа. Ольга Таратута сделалась активной работницей анархического "Черного Креста". Работы было у нее много: нужно было позаботиться о крове, одежде и пище для освобожденных товарищей.

Советское правительство изменнически нарушило договор, заключенный представителем повстанческой мирной делегации. 26-го ноября были арестованы представители повстанческой мирной делегации. За одно были разгромлены на Украине все анархические организации. Книжные магазины и клубы были буквально разгромлены. Большинство активных работников Конфедерации "Набат" и многие десятки сочувствующих были арестованы. Ольга Таратута тоже была в числе их.

С тех пор наш старый товарищ находится в "коммунистических" тюрьмах. За это время ей пришлось перенести не мало: перед открытием Конгресса Коминтерна В. Ч. К. решила развести политических заключенных московских тюрем по провинциальным. 26-го апреля 21-го года, в полночь, как дикие звери ворвались к нам в камеры чекисты и началась дикая возня, вой и рукоприкладство. Сильно пострадали и женщины: Лия Готман, Козловцева, Фанни Нруцкая, Фанни Барон и Ольга Таратута.

Многие товарищи, вывезенные из Бутырок, были помещены в Орловской тюрьме, известной в истории революционного движения под именем Орловского "центра". Ольге Таратуте, как и всем остальным товарищам, пришлось начать борьбу против невыносимого тюремного режима. Была объявлена голодовка. Она длилась одиннадцать суток и—не дала никаких результатов.

Измученная и разбитая физически и нравственно сидит наш старый товарищ снова в Бутырской тюрьме, куда ее недавно перевели из Орла.

А Барон ("Барон киевский"). Тысячи рабочих и крестьян Украины и России, многие рабочие и революционные группы Америки и России помнят, без сомнения, маленького подвижного горячего Барона, вечно вооруженного парой больших очков, массой цитат из Кропоткина, Бакунина и т. д. и острой колючей речью.

Совсем молодым он был сослан в далекую

холодную Сибирь за свои анархические убеждения. С большими трудностями ему удалось бежать и эмигрировать в Соед. Штаты. Там для него начинается мучительная жизнь эмигранта и революционера. В Чикаго волнения безработных. Демонстрация отчаяния и гнева. Люси Парсенс, Арон Барон с женой своей Фанни — в первых рядах. Конечно, они избиты верными защитниками "священной" частной собственности "свободной" Америки. Барон редактирует анарх. газету "Alarm" (Чикаго), он активно выступает на митингах и собраниях, принимает деятельное участие в "Союзах русских рабочих" и, как только до него доходит весть о начавшейся революции в России, он спешит туда в сопровождении Фанни, его жены и верного товарища.

В революционной России Барон неутомимо работает. Он очень популярен среди киевских рабочих, в качестве депутата от проф. союза пекарей он принимает деятельное участие в работах киевского Совета, в славные дни Октяб. революции он среди тех, кто хотел положить конец экономическому неравенству и вечному произволу господствующих классов.

Скоро Барон с оружием в руках борется на фронте против казацкого генерала Каледина. Спустя некоторое время он раз'езжает с т. т. Максимовым и Ярчуком по городам и рабочим центрам России в целях революционной пропаганды. С конца 1918-го года А. Барон отдается душой и телом организации Конфедерации анарх. организаций Украины "Набат". Он усиленно ведет нелегальную работу при Гетмане Скоропадском и Петлюре. В качестве члена Секретариата Конфедерации "Набат" он раз'езжает по городам и весям Украины. Когда красная армия с помощью повстанческих войск занимает в начале 1919-го года Украину, Барон редактирует орган Секретариата Конфед. "Набат" в Екатеринославе. В те дни господствующая коммунистическая партия, в особенности на Украине, была более сдержана и терпима к нам, анархистам. Видно счастье получить приглашение на кон-

ференцию в Генуя еще не снилось тогда Ленину и Ко.. Все же не постеснялся Екатеринославский "коммунистический" губернатор г. Аверин конфисковать №11 "Набата" и посадить в тюрьму наших товарищей (Иосиф и Лия Готман, Иван Кабась—Тарасюк и др.). Барон ускользает от ареста, выпускает горячую прокламацию протеста, которая в десятках тысяч расходитя по всей Украине. Он снова едет в Харьков, Киев, Одессу, печатает пылкую статью "Что такое махновщина" в №7 "Одесского Набата", который, конечно, сейчас же конфискуется. В июле месяце 1919-го года, вместе с автором этих строк, Барон с неутомимой энергией работает по созыву все-русского объединенного с'езда анархистов.

В октябре месяце того же года Барон арестован агентами В. Ч. К. и проводит довольно продолжительное время в подвале М. Ч. К. в очень скверных условиях (больше месяца, днем и ночью горит электрическая лампочка в его сырой грязной камере). Больной и измученный Барон выпущен из тюрьмы...

Я помню, как в начале ноября 20-го года, Арон Барон с Фанни пришел ко мне ночью и полу-шутя, полу-серьезно заявил мне следующее: "Я старая организационная кляча. Вы—сейчас секретарь нашей Конфедерации. Бос, (хозяин по английски) давайте работу!" Да, А. Барон был в лучшем смысле "организационной клячей", он безропотно нес все невзгоды нашей борьбы, он никого не щадил, но он и себя не щадил, если нужно было для успеха Социальной Революции. Вместе со всеми нами Арон и Фанни Барон были арестованы в Харькове, вместе с нами они сидели в московских тюрьмах, вместе с нами они пережили погром, который В. Ч. К. устроила в Бутырской тюрьме 26-го апреля 21-го года. Но крестный путь, выпавший на долю товарища Арона, оказался наиболее тяжелым: находясь в каменном мешке "Орловского Централа", после неудачной 11-ти дневной голодовки он получает страшную весть о расстреле жены его Фанни и младшего его

брата в одну и ту же ночь Московской Ч. К.

Тяжела, безысходно тяжела жизнь (если это можно жизнью назвать) Арона Барона в заброшенной холодной Орловской тюрьме, далек от друзей, без книг и без хлеба. Мы знаем, что дух его силен. Мы уверены, что он героически перенесет все лишения. Но наш долг сделать все возможное, чтоб его, как и остальных наших товарищей вырвать из кровавых лап "коммунистической" охраны.

Иван Кабась—Тарасюк. Безрадостно протекло его детство в белорусской деревушке. В поте лица он зарабатывал кусок хлеба, как каменщик в Брест-Литовске. Он эмигрирует в Америку, где ему для пропитания приходится заниматься самыми тяжелыми работами. Там он знакомится с "Союзом Русских Рабочих". Простые и глубокие идеи синдикализма и анархизма затронули его девственную душу. Его серые холодные глаза загорелись святым огнем энтузиазма и—с тех пор Иван Кабась становится активным и преданным членом "Союза Русских Рабочих", он связывается с Нью-Йоркской анархич. орган. "Голос Труда", он живет — он борется.

В 1917-м году И. Кабась вернулся в революционную Россию, где он все время скромно, но стойко защищает свои глубокие убеждения. За промежуток времени с 1917—1921 Кабась был арестован не менее 6-ти раз. С самого основания Конфедерации "Набат" он состоит ее активным членом. 26-го ноября 20-го года И. Кабась был арестован в Харькове. В достопамятную ночь 26-го апреля 21-го года он был сильно избит прикладами "коммунистических" жандармов и затем увезен в Рязанскую тюрьму. Оттуда ему и еще 9-ти товарищам удалось бежать. К сожалению, их пребывание на свободе было непродолжительным. Фанни Барон была расстреляна вместе с Львом Черным, известным в анархич. кругах писателем и теоретиком. Иван Кабась—Тарасюк был через несколько месяцев снова арестован и по сию пору томится в московских Бутырках.

Ревекка Ерошевская. Жена Бельямина Эпштейна, зверски убитого денкинскими жандармами. В конце 19-го года в Харькове. Десять лучших лет своей жизни она, как анархистка, провела в каторжных тюрьмах Николая Кровавого. Без малейшего обвинения она сидит в советских тюрьмах около 3-х лет.

Лия Готман. Муж ее, "Иосиф Эмигрант"—один из наших лучших товарищей таинственно погибший в конце 1920-го года. Вместе с ним Лия вела революционную работу в Америке, а затем в России.

Алексей Олонецкий. Очень вдумчивый и своеобразно мыслящий и преданный товарищ. Чистая и деликатная душа искателя истины, справедливости. С детской незлобивою улыбкой переносит холод и голод наш славный товарищ, страдающий ревматизмом и туберкулезом, во Владимирской тюрьме.

Михаил Бирюлин. Очень молодой товарищ. В 1920-м году он, вместе с большевиками-коммунистами, принимал в г. Иркутске участие в подпольном Революционном Комитете, выступившем против адмирала Колчака и арестовавшего его. В середине 1920-го года Бирюлин прибыл в Харьков. Не успел он порядком с нами познакомиться и принять участие в работе нашей организации "Набат", как был арестован. Бирюлин страдает туберкулезом в острой форме. Он, как свеча, тает в застенках Владимирской тюрьмы. Московский обще-политический Красный крест прилагал не мало усилий для его освобождения по болезни из тюрьмы—но все безрезультатно. Сотрудник Красного Креста нам неофициально сказал следующее: "Видите ли, если бы Бирюлин был большевиком, его бы давно освободили из тюрьмы по болезни. Но анархисты на особом положении". Мне кажется, комментарины излишни.

Владимир Бармаш и Герман Аскаров. Оба секретари Российской Секции Анархистов-универсалистов, оба члены теперешнего Московского Совдепа, оба вели культурно-просветительную работу в Москве. Лояльная и умеренная

(может быть слишком умеренная) работа московских анархистов-универсалистов не оградила их от преследований властвующей коммунистической партии. 2-го ноября 1921-го года В. Ч. К. разгромила клуб и библиотеку анархистов-универсалистов и арестовала несколько десятков товарищей.

Бармаш, при старом режиме, просидел два года в Московской Таганской каторжной тюрьме и только смелый побег спас его от смертной казни. Захватывающий митинговый оратор и неутомимый организатор, он с 1917-го года работает в Москве, был близок к Московской Федерации "Анархия" и очень популярный среди рабочей массы Москвы.

Аскарров состоит в анархических рядах уже 17 лет. Жил долго в эмиграции. В начале европейской войны редактировал антимилитаристскую анархическую газету в Женеве, в ко-

торой сотрудничали Э. Малатеста и Домела Ньювенгуис.

* * *

Пока мне придется перерывать этот скорбный перечень. В концентрационных лагерях, в подвалах, в сырых и темных камерах столичных и провинциальных тюрем нашей необъятной "матушки" Руси, тюрем, где свирепствуют голод, цынга и тиф чахнут многие и многие наши товарищи.

Единственное большое преступление наших друзей, заживо брошенных в каменные могилы "нашей" "рабоче-крестьянской" властью, это их беззаветная преданность идеалам социального равенства и духовной свободы.

Да запомнят все это наши друзья и товарищи, пусть вдумаются и вникнут в это все те рабочие и крестьяне, которые хотят и умеют честно и независимо думать и—пусть они сделают необходимые выводы.

Германия, 6—2—22

ДОКЛАД КИТАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

ДОКЛАД НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ АНАРХИСТОВ В БЕРЛИНЕ 1921 Г.
ОБ АНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В КИТАЕ.

Гопоткин, Кантон (Китай).

В дополнение к докладам представителей различных стран на Интернациональном Анархическом Конгрессе, приводим полученный через посредство "Фрай Арбейтер" следующий доклад о развитии наших идей в Китае, который наши китайские единомышленники еще в 1914 году приготовили об их движении. Трагедия мирового военного преступления, разрушила внезапно надежды, возложенные на Лондонскую Конференцию. И для всего европейского движения будет удовлетворением то обстоятельство, что и в "небесной империи" государственного абсолютизма зажегся факел Анархии. Доклад устанавливает, что наша идея поздно пробилась в Китай и, вследствие притеснительных мер правительства — товарищи в Китае могли свободно действовать только в

течение одного года — приняла характер очень медленно развивающегося движения. Проживающие в Париже товарищи издали 21-го июня 1901 г., (впервые на китайском языке), еженедельник под заглавием: "Жи Жи Ки" (Новое Время). Одновременно товарищами, проживающими в Японии, была нелегально издаваема газета "Эн Пао" (Равенство). Это было между 1907—10 годами, когда главная тяжесть китайского движения находилась за-границей. Манчжурское правительство запретило издание этих газет. Когда, после свержения правительства в 1911—12 годах, народ получил немного более свободы, идеи анархизма получили тогда более широкое распространение. Наш дорогой товарищ Зифо, оставил свою работу в политической революции и образовал в Кантоне группу. Это

была первая анархическая группа пропаганды для Китая, которая выполнила свою задачу изданием многих газет и журналов. В это же время проникло в Китай также и марксистское учение Соц. Демократии. Чтобы объяснить народу коренную разницу между государственным социализмом и мировоззрением безвластия, тов. Зифо издал анархистскую газету "Голос Народа". Газета печаталась на китайском языке, а также эсперанто. В 1913—14 годах, товарищами проживающими в Шанхае, Кантоне и Ганкинде, была развита усиленная деятельность, заключавшаяся в основании групп. Но в политическом, мнимо—республиканском государстве такая работа оказалась невозможной. Газета "Голос Народа" была запрещена, поэтому мы принуждены были в течение 3-х лет много раз менять типографию. Эти притеснительные меры еще более обострились вследствие смерти тов. Зифо, умершего в марте 1915 г. от непосильной работы. Страшная потеря! И еще тяжелей для нас потому, что сейчас же после его смерти, наш орган должен был прекратить свое существование. Это, однако, послужило также поводом к более усиленной пропагандистской работе наших товарищей. Главным образом они стремились к распространению наших идей между студентами и рабочими группами, так что, спустя некоторое время, снова появились газеты: "Новая Жизнь", "Мир", "Равенство", "Свободная Хроника", "Голос Правды", "Свобода" и "Эволюция". Обе последние печатались, кроме национального языка также и на эсперанто. Недостаток в средствах препятствовал постоянно их изданию. К тому же начались правительственные преследования наших товарищей в Пекине, Шанхае, а также в Японии. Не смотря на все это, мы основывали постоянно новые группы в различных местах, которые все увеличивались численно. В 1920—21 годах, почувствовалось также и в Китае влияние русской революции, в которой видели возможность и собственной революции.

Большевики проявили оживленную пропаганду. Тогда с большей силой стала развиваться и наша противоположная пропаганда; и весной 1921 г. собрались мы в Кантоне, где постановили снова приступить к изданию газеты "Голос Народа", а также принять участие в профессиональном движении. Названная газета появилась одновременно на китайском, английском языках и эсперанто. Этот, много раз упомянутый язык, довольно сильно распространяется в восточно—азиатских рабочих группах. По случаю, т. к. "Спортивной Конкуренции" Восточной Азии нашими товарищами было распространено последним летом более 100.000 летучек. По этой причине было задержано 6 товарищей, один из которых умер в тюрьме. Все эти товарищи за пропаганду бывали много раз задерживаемы в Кантоне. Вышеприведенный доклад мы желаем более ясно и точно выразить следующими мнениями:

- 1) Интернациональная Организация.
- 2) Совместная работа с Профессиональными Союдами.

Мы живем в различных странах и должны вследствие этого иметь постоянную связь, для более сильного и широкого распространения нашей идеи словом и делом;

При этом вопросе руководствуемся основой: Анархия — это цель; союзы средства для достижения ее;

- 3) Международный язык.

Разноязычность — причина наших расхождений. Необходим общий язык и вследствие этого предлагаем, как таковой, эсперанто.

Вперед. В бой за наше мировоззрение!

Да здравствует Анархия!

Анархо — Коммунистическая группа "Голос Народа".

КРОНШТАДТ—ПАРИЖСКАЯ КОММУНА РОССИИ

А. Беркман.

Стокгольм. Март 1922 г.

Буржуазные правительства и капитализм являются непреклонными врагами каждого революционного движения. Таковыми знают их прогрессивные рабочие и как против таковых ведут войну. Парижские коммунары, например, знали, что они не могут ожидать ни пощады, ни милосердия от своих милитаристических правителей против которых они подняли восстание. Но когда политическая партия называющая себя революционной, когда правительство дерзающее говорить во имя пролетариата, топит крики того-же пролетариата, за справедливость и свободу в море крови — это выступает как самое монументальное преступление Иуд во всей истории; больше того, что бы оно чернило и поносило народную, героическую попытку восстать за социальную справедливость, как контр-революцию — это чудовищное преступление, которого человечество никогда не простит.

Я говорю о Кронштадте. Кронштадт, на самом деле, был Парижской Коммуной России. Кремль играл роль Версаля, Ленин был ее Тьер, Троцкий — Галлифе.

Это был 1921 год. Войны прекратились и долгострадающий народ надеялся, что большевики прекратят свои притеснения и террор и позволят освобожденной энергии масс начать экономическую реконструкцию страны. Рабочие еще жаждали кооперировать, применять свою инициативу и созидательные усилия на устройство своей разрушенной страны. Напрасные верования! Большевики продолжали, как и раньше, свою политику притеснения, террора и милитаризации. Погибла последняя надежда пролетариата; он осознал, что коммунистическое государство больше старается об удержании политической власти, чем о спасении революции.

Самый революционный элемент России — рабочие Петрограда заговорили первыми. Боль-

шевистская централизация, неспособность и развращенность, их самодержавное отношение к рабочим и крестьянам — больше чем какая либо другая причина — принесли народу крайнюю нужду и страдания. Много фабрик и заводов Петрограда были закрыты. Трудящиеся были истощены до смерти. Петроградские рабочие созвали митинг, чтобы посоветоваться о невыносимых условиях. Митинг был разогнан правительством. Чувство ненависти против таких методов продолжало расти. Больше митингов было созвано, но с тем-же результатом. Большевики не делали концессий пролетариату, а в то же время устраивали всевозможные компромиссы мировому капитализму. Рабочие были возбуждены; чтобы заставить правительство прислушиваться к их требованиям, они вызвали забастовки в Трубочном, Патронном, Балтийском и Лаферм заводах. Правительство, вместо того, чтобы обсудить вопрос совместно с рабочими, организовало военный комитет обороны, с Зиновьевым, самым ненавистным человеком в Петрограде, во главе (Зиновьев был председателем комитета). Цель комитета была подавлять недовольство пролетариата.

Это было 24-го февраля, когда вышеупомянутые забастовки были объявлены. В это самое утро большевики послали курсантов военной школы для офицеров (все они коммунисты) разгонять рабочих на Васильевском Острове, рабочая часть Петрограда. На следующий день, 25-го февраля, возмущенные трудящиеся Васильевского Острова посетили мастерские Адмиралтейства и Галерные пристани и убедили тамошних рабочих присоединиться к их протесту против зверства "Рабоче-Крестьянского Правительства". Начатая уличная демонстрация забастовщиков была разогнана вооруженными солдатами.

26-го февраля на заседании Петроградского Совета, Лашевич, член комитета обороны,

а также революционно-военного Совета Республики, пренебрегая забастовщиками, предложил закрыть трубочный завод. Исполнительный комитет совета (Зиновьев и пр.) приняли предложение и рабочим был объявлен "локаут"; они лишились всех порций и буквально были брошены голодать на улицу.

Деспотические методы правительства огорчили и антогонизировали рабочих. В это время большевики сконцентрировали в Петрограде громадное количество войск из провинции и своих, более заслуживающих доверия коммунистических, солдат с фронта и рабочее восстание было разбито железной рукой.

Кронштадтские матросы были сильно встревожены событиями в Петрограде, они послали комиссию расследования с следующим обращением к рабочим: "Если вы контр-революционеры, как заявляют большевики, мы против вас; но если ваши требования справедливы — мы солидарны с вами".

1-го марта в Кронштадте на Якорной площади состоялся публичный митинг, официально созванный первой и второй бригадами линейных кораблей Балтийского флота. 16.000 матросов, красноармейцев и рабочих, собрались на этот митинг. Председательствовал Председатель Исполн. Комитета Петроградского Совета, коммунист Васильев. Председатель Всероссийского съезда советов, Калинин и верховный комиссар Балтийского флота Кузьмин. Присутствовали на этом митинге. Не лишним будет упомянуть, как признак дружественного расположения матросов к большевистскому правительству, что Калинина встретили, по его прибытии в Кронштадт, с военными почестями, музыкой и знаменами.

Посылаемая в Петроград комиссия матросов сделала свой доклад. Она подтвердила худшие опасения Кронштадта. Собрание было возмущено, узнав, как большевистское правительство раздавило кровавым террором скромные требования петроградских рабочих; оно приняло, знаменательные с тех пор, резолюции, более важное из которых следующее:

"Ввиду факта, что настоящие советы не

выражают воли рабочих и крестьян, немедленно созвать новые выборы, закрытым голосованием;

"Свобода слова для рабочих и крестьян, для анархистов и левых социалистических партий;

"Освобождение всех политических заключенных социалистических партий; также рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочим и крестьянским движением".

Эти резолюции были приняты собранием единогласно не считая два голоса, Калинина и Васильева, которые голосовали против. Тем же собранием была послана комиссия к петроградским рабочим с целью координации требований Кронштадта и Петрограда. Эта комиссия, состоящая из тридцати членов, была арестована большевиками сейчас же по ее прибытии в Петроград. (Судьба этой комиссии остается тайной)). Это был первый удар нанесенный кронштадтским матросам.

На следующее утро после кронштадтского митинга, т. е. 2-го марта, коммунистическое государство выпустило приказ, подписанный Лениным и Троцким, который провозглашал Кронштадтское движение, как мятеж, вооруженное восстание против большевистского правительства; и сейчас же началась широкая кампания лжи и фальсификации, позоря революционных Кронштадтских матросов, как контр-революционеров. Что последовало хорошо известно. Кронштадт был объявлен вне закона. На языке кремлевской диктатуры — это называется — истребление.

Большевистское правительство назначило 7 марта для артиллерийской атаки Кронштадта. Это казалось, так ужасно, так невероятно, что даже многие коммунисты не верили в возможность этого. Но Троцкий уже послал слово к народу Кронштадта. "Я перестреляю вас как фазанов". Это было 6-го марта. Группа из нескольких анархистов сделала последнюю попытку привести большевиков в сознание. В то время я был в дружбе с Зиновьевым. Я чувствовал своим долгом по отношению к рево-

люции сделать попытку, если даже и безнадежно, предотвратить надвигающееся избиевание революционного цвета России, кронштадтских рабочих и матросов. Совместно с некоторыми товарищами, написал протест в комитет обороны, указывая на мирные намерения и справедливые требования кронштадтских матросов, напоминая Зиновьеву о их превосходном революционном прошлом, и намекая на метод улаживания диспута, путем приличествующим товарищам и революционерам.

Документ был вручен Зиновьеву. Я не знаю разбирался-ли он в совете комитета обороны или нет; во всяком случае, он был оставлен без внимания. Некоторое время спустя Зиновьев спросил меня, в личном разговоре, принял-ли бы я участие в комиссии улаживания с Кронштадтом, как в нашем документе было предложено.

"Я бы очень рад был это сделать", сказал я "в особенности когда это касается кронштадтских матросов и петроградских рабочих, ко-

торые, своими демонстрациями перед американским послом Францисом, спасли мою жизнь, когда Калифорния требовала моей выдачи по делу Муни". Зиновьев побледнел. Мои слова напомнили ему время, когда петроградские рабочие спасли его из когтей Керенского, а теперь—теперь он превратился в их палача.

7-го марта в 6 45 вечера тяжелые раскаты артиллерии эхом прокатились по улицам Петрограда. Троцкий атаковал Кронштадт. Большевики выстрелили первый выстрел и чернейшая страница их режима была написана.

Десять кровавых дней и борьба кончена. 18-го марта большевики памятовали Парижскую Коммуну, и в то же время праздновали — Иронию ада — свою победу над Кронштадтом. Более 14.000 человек лежат мертвыми, как результат этой "победы" и история написала поперек имени коммунистической партии России:

Иуды революции!

КТО ВИНОВАТ?

Народы, массы — это стихии, океаны

Их путь — путь природы.

А. Герцен.

Свободный человеческий ум идет дальше патологических исследований и простого констатирования фактов. Во всех, как обыденных, так и важных мировых вопросах он упорно стремится добраться до зародыша, до сердцевины, до "начала начал" и, вольно-ли или инстинктивно руководствуется психологией Гетевского Вагнера: "Zwar weiß ich viel, doch mochte ich alles wissen". Ему нужны причины, виновники. Это вполне понятно и объяснимо — приняв во внимание уровень интеллектуального и духовного развития современного человека. Непонятно одно: зачем искать в небесах того, что лежит у ног, спускаться в непроходимый лабиринт абстрактных понятий и залезать в непролазные дебри отвле-

ченных и схоластических хитростей-мудростей вместо того, что бы выйти в открытое поле обыкновенной логики и разумной последовательности. А это-то и не делается вот уже 4 с лишним года по отношению к русскому вопросу или вернее, — вопросу современной мировой общественности. И невольно припоминается легенда о магнитной горе: всякий корабль, приближающийся к ней сразу линается всего железного, соединяющего в одно целое его отдельные части, выскакивают гвозди и крючки, корабль распадается и несчастным морякам остается спастись: каждому по своему... А между тем, пора уже страхнуть с себя прах пристрастия и предвзятости, заставляющих видеть все как в микроскопе: вверх ногами и смело взглянуть действительности в глаза, той самой действительности, которая неразрушимым, могучим фактором стоит вот уже столько лет пред нашими глазами. "Россия по-

вержена в прах! Россия разорена, голодна, убога, несчастна! Вот фразы уже в течение нескольких лет не сходящие с уст всех русских и не русских и естественно, что и здесь, как и в иных фактах, начинаются поиски виновников, судорожное искание причины — доходящей до того, что печень видят на левой стороне и восход солнца с запада. И тут то сразу бросается в глаза одно обстоятельство и невольно притягивает к себе внимание. В самых несложных, примитивных жизненных явлениях обыкновенно остаются узкие сферы и коконы настоящего и начинается хождение ко святым местам прошлого, рвутся в недостижимые высоты и подобно Данте спускаются в неизмеримые глубины, добираются до окаменелых остовов мамонтов, до атомов, до Адама и Евы и до того, как в начале была тьма и дух божий парил в пространствах... А в вопросе, могуче ударившем по всем сердцам и душам, в вопросе столь невиданно, небывало, огромным пламенем разлившимся "вдоль по миру", обошедшем все его углы и закоулки; в вопросе, совершившем такое невиданное в мире паломничество или вернее — огромным заревом зажегшемся со всех 4-х концов вселенной и призраком обошедшем все убогие, жалкие, полуразрушенные хижины, мир шахт, храмы наук; в вопросе, горячей струей обвеявшем от края до края всю землю — в этом вопросе с каким-то маниакальным упорством, с каким-то упорством судорожно ухватываются клещами за настоящее, за минуту его появления, пытаются убедить себя и других, что это — громовой удар, что это — блеск молнии и... только. Полно! Так ли оно на самом деле? Действительно ли русская революция со всеми ее "ужасами и страхами" об отрицании или утверждении которых здесь речи быть не может, действительно ли она удар грома в ясный, тихий день; или лавина, неожиданного где-то сорвавшаяся и со стремительной быстротой, уничтожая и сметая все на пути своем, сносящая на смерть мирно дремавшую у подножья горы деревушку? Ужель

русский катаклизм, принесший столько крови, слез, ужасов, страданий, отрицать которые было бы наивно, жестоко и нелепо — продукт "неожиданно" стекшихся обстоятельств, плод "внезапного" столкновения каких-то таинственных, непредчувственных сил, только злое создание рук человеческих, его бурной, необузданной, стихийной воли и широкого, всеобъемлющего ума или просто — недоразумения? И топчась, как слепая лошадь на рушильном колесе, беспрерывно, судорожно, жадно ищут виновника, которого можно было бы сделать "возлом отпущения", ищут Макара, на которого можно было бы все шишки валить. Началось от истерических припадков, пляски св. Витя, кликушества и дошло до обвинительных актов, до криминалистики. И растет все это как снежный ком и никакому архивариусу, никакому летописцу, историку или просто диллетанту, не удалось бы собрать и тысячной доли всех тех анализов, исследований, обсуждений и осуждений различного характера и на всевозможные вариации, накопившихся в течение последних "веков". Уж кажись одно это обстоятельство, яснее всевозможных эзоповских фраз и цитированного красноречия, свидетельствуют о характере и значении происходящего в России. А между тем, этого-то слона и стараются всеми силами затушевать, игнорировать и придать ему значение случайного блеска, внезапной вспышки. И озлобленная толпа ослепленных фарисеев, ренегатов, "в минуту жизни трудную" отрекающихся от своих верований, принципов, идеалов и самих себя и при виде Голгофы, как Иуда от Христа, отрекающихся от своих богов и кумиров, отрешивающихся от своих вчерашних святынь как от дьявольского навождения и исчадий ада, эта-то толпа, мешавшая свои слезы с его слезами, скорбевшая его скорбями, рыдавшая его рыданиями и устремлявшая плечи и руки для облегчения ноши креста непосильно-тяжелого, — это-то толпа и хватает ожесточенно камни, бросает с ядовитой злобой и шипящей ненавистью в него — измученного, нестрадавшегося, согнувшего

В О Л Н А

гося, стонущего и слезами обливающегося, и диким хором безумных криков и зловещего воя кричат: распни его! распни его!.. Распни его за то, что дерзнул вздохнуть свободной грудью, распрямить согнутые плечи, расправить кости! Распни его за то, что возмечтал зажить не рабской, мрачной, темной жизнью, а захотелось и ему своего местечка у костра земного, растянуться вволю, человеком стать. Палите из пушек, стреляйте из ружей; морите холодом, страхом и нуждою; зовите "глад, войну и мор", душийте газами, угрозой, клеветой; мечите молнии, громы и божий гнев! Ату его! Ату его! — серого, неуклюжего! Вот он! — неграмотный, немытый, нечесаный, грязный! Вот он — Миклушка Селянинович — тот самый, которому клялись в любви до гроба, до могилы! Да! Это он — и о нем говорил Герцен, — что он — "человек будущего в России". Нет! Тут не Лия вместо Рахили, а пришел тот самый, за волю, счастье и благо которого клялись и жизнь всю отдать, кандалы носить и томиться за решеткой. Ведь его-то и ждали!

О нем была благая весть. Ему прочищали дорожку и держали факел впереди. Теперь он пришел. Пришел и стоит перед нами как живой монумент, как одушевленный памятник новой эпохи, новой эры в жизни мира сего... И его оглядывают с тупым, недоумевающим взглядом, как случайного гостя, как неожиданного странника, прохожого... Да. Правда, он пришел "в грозе и буре" революции, — катаклизмов, опустошений и извержений. Но кто говорил, что он придет непременно в тоге послушника, с келейным смирением и ангельской улыбкой? Разве все иные пути были ему заказаны? Разве она власть, то могучее начало, которые управляют стихиями, поручилась или обязалась кому-нибудь направить и "русскую стихию" по чьему либо желанию, плану, заранее проложенному руслу? Как будто нет никаких социологических законов, слагающихся помимо воли людской, помимо политической экономии и дипломатических философий. Возможно — по общему закону вероятности —

если-б нарыв русской жизни открылся пол-века тому назад, то стихия приняла бы иные размеры и иной характер. Но — к добру или ко злу — хронический недуг России, затянувшийся до той поры, когда обнаружились признаки старческой немощи ослеплявшей своим внешним величием и наружным блеском, но отрекшейся от самой себя Европы и, подобно Сатурну, пожравшему своих собственных детенышей и симптомы ее разложения и смерти. И с этой поры русский вопрос потерял свой этнографический характер и сделался костью от кости, плотью от плоти общеевропейского, точно так же как идеал социализма оставил колыбель Европы и был усыновлен всем миром. Но это еще не доказательство того, что Европа пойдет путем России, а не своим, который ей будет указан временем и с течением обстоятельств, путем, который ей всего больше присущ, который соответствует ее социальному, историческому, и интеллектуальному развитию, точно так же как не могло быть предопределение того, что Россия пойдет по проторенной дорожке Западной Европы, проложенной через непроходимую чащу философских безумий, политических абсурдов и научных суеверий, превративших ее в каменный мешок и загнавших в такой тупик, где теряются и логика и разум. Евангелие русского народа оказалось проще катихизиса западно-европейского пролетариата. Земля! А все остальное приложится. Рубите столбы — забор сам падет! Паллиативные средства Европы, у которой ум за разум зашел, могли столько же повлиять в России, как мог колокольный набат разогнать грозу. Множество опытов как прошлого, так и настоящего с неразрушимой убедительностью и неоспоримой очевидностью показывают, что темперамент, физиологический уклад и развитие часто берут верх над интеллектом. Инстинкт творит очень часто неизменно больше философских теорий и научных мудрствований. И это всего более доказала Россия 1917—22 годов. Русский народ пошел своим путем, путем самобытным, путем стихии,

природы, путем Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Вопросы о том — хорошо ли это или дурно — здесь быть не может, как нелепо смотреть на вулканическое извержение, на землетрясение, бурю морскую с высоты этико-правственных принципов. Если не достаточно одного констатирования фактов — независимо от позитивности или негативности их характера — пусть займется естественными науками, археологией, пусть ищут причины и виновников. Это неотъемлемое право каждого индивидуума. Два пути, по крайней мере мыслимых — представлялись России, как и всем народам: путь эволюционный, путь "мирный" — компромиссов, кенцесий, полититических уловок, дипломатического гаерства, парламентского акробатизма, конституционного марионетизма, путь держания перед носом сена на вытянутой палке, — или путь революционный, путь опустошений, извержений катаклизмов, терроров, самосудов и "красных петухов", да еще путь пассивного сопротивления и личного совершенствования, нашедший свое более яркое и ясное выражение в учении Л. Н. Толстого. Но и сам яснополянский старец в глубине души повидимому уже чувствовал, что перспективы грядущего мало указывают на то, что старый мир возьмет свой одр и последует голосу благоразумия, о чем красноречивее всего свидетельствуют следующие строки: "Рабочая революция с ужасами разрушения и убийств не только грозит нам, но мы на ней живем уже лет 30 и только пока, кое-как разными хитростями, на время отсрочиваем взрыв ее и дальше... "Возвратиться к старому нельзя; возобновить разрушенный престиж нельзя; остается одно для тех, которые не хотят переменить свою жизнь — надеяться на то, что на мою жизнь хватит а после, как хотят. Так и делает слепая толпа богатых классов. Но опасность все растет, и ужасная развязка приближается." Лев Толстой несомненно верил в "христианизм" народа русского, верил также и в то, что его притеснители и мучители образумятся, наконец, и "переменят свою жизнь".

Да! Несомненно; русский народ — народ долготерпеливый, строитивый, народ — богоносец, что уже доказывает одно то, что он столько сгибался под ярмом, стонал под непосильным бременем беспросветной, бесталанной жизни и все же не поднимал руки своей на своих мучителей. Да! Но ведь и сам Христос, в конце концов, выгнал торгашей из храма. Быть может и сам народ верил в возможность, что все окончится мирно и келейно. Но чем невыносимее становилась беднота и безвыходнее отчаяние, тем больше стало таять убеждение в том, что социальное неравенство — божеское установление, неразрушаемое волей людской; убеждение, привитое единственным запасом извращенного евангелия, мартиролога, ходячих и бродячих легенд, суеверий, предрассудков, обычаев и преданий, передававшихся вместе с хатой и домашним скарбом из рода в род, накопившихся с благословенных времен Адама и глубоко вкоренившихся в нем. А коль скоро политическое социальное и духовное рабство гнало его на путь "ереси" и показывало единственное оправдание этой вопиющей несправедливости, русский мужичек стал почесывать за ухом, внимательно прислушиваясь к голосам подполья и закачивать рукава, а значение всего этого в никитинской "ссоре". И что могло остановить размах его кулака, когда гнев закипел и гроза разразилась? Дворцы, стены которых писаны молоком, отнятым у его голодных детишек? Дорогие, редкие книги, переплетенные содранной с него кожей? Английские парки? Картинные галереи? При осаждении Дрездена Бакунин предлагал выставить Рафаелевскую Мадонну: прусские солдаты, дескать, народ культурный, стрелять в нее не будут. Остановило ли это русского Емельянушку? Над чем он мог призадуматься, когда замахнулся дубиной? Культура, цивилизация, искусства — для него пустые, ничего незначащие слова. Скорее даже, наоборот: символ порабощения и барства. Тряпки, которыми он детей кормил не исчезнут. Лыко ольховое или дубовое расти не перестанет. Или быть

может город стал бы камнем преткновения и остановил бы могучие, бурные волны мужицкой стихии? Город со всеми его красотами, внешним блеском, наружным великолепием, приманками всех родов, искушениями и соблазнами, расцветает на счет его крови и нота?

Город, который был олицетворением насилия, грабежа, "законов и порядка", откуда сыпались все беды и несчастья. Ведь огромное количество городских рабочих: кухарки мастеровые, повара, лакеи, носильщики, кучера, дворники, "Ваньки", — все эти обитатели льяпинских и ржановских домов, Хитрового и Смоленского рынков, все этот так называемый "черный люд" — народ пришлый те же мужички, загнанные сюда голодом, отчаянием и нуждою; точно также рабочие на промыслах, бурлаки на Волге — народ, оторванный от родной почвы и брошенный в неприветливую и даже враждебную обстановку, который даже при лучших социальных условиях лелеял мысль о возвращении в родные "палестины", хоть в кривую, полуразрушенную, дымную, тесную, но родную хату, уходивший и умиравший с этой надеждой; да, народ "Дубинушки", которую не переведете ни на какой язык. Что могло остановить и ослабить силу народа, когда "силушка по жилушкам стала живчиком переливаться". *We mom homo Sapiens*, который решится произнести этот "Мэнэ Тэкэл" и сказать, что, коль скоро это огромное, безбрежное море всколыхнулось его могли как и в легенде о Ионе успокоить несколькими жертвами? Учредительное собрание? Парламент с его верхними и нижними палатами? Конституция? Но для этого России необходимо было пройти всю замысловатую школу западно-европейской политической мудрости и спуститься в тот непроходимый лабиринт, из которого сама Европа, бьющаяся в предсмертных судорогах, мучительно старается выбраться. Но богатырские плечи русского Святогора захотели натянуть западно-европейский фрак, хоть, скажем и с бархатными, блестящими лацканами и диву даются, руками разводят, ахают и ругаются,

что он треснул по всем швам и лопнул. Колумб пустился на свой риск и страх в открытое море и открыл Новую Землю. Он мог и не открыть ее, мог ошибиться, обмануться. Ошибки — неизменные спутники мышления и уже Гете говорил, что "кто ищет истины, не чужд и заблуждения". Разве не у Драгомировской заставы скрестил Наполеон на груди свои руки? Разве не в пятьдесят лет писал свою "Исповедь" Толстой? И русский народ пошел на свой риск и страх... Конечно, нет ничего неестественного в том, что многие остались на старом берегу и, по слабости ли, осторожности, благоразумию, мудрости не пустились вплавать, боясь утонуть. Больно уж разнообразны и различны люди. Но чьи уста раскроются при виде, скажем, тонущего, защищать диссертации о силе мускульного развития различных возрастов или силе течения в зависимости от глубины и ширины реки? Да! Россия пошла по иному, новому, неведомому пути... Русский народ вышел в открытое море — безбрежное, безграничное... Его мало заботили формы будущей жизни и грядущая конструкция ее. "Хуже не будет"! Такова его психология, ирландцев и владеющих своими могильной величины латифундиями итальянцев и им подобных. Психология народов, которым "кроме цепей своих терять нечего". Не то у западно-европейского крестьянина вообще, давно уже лишенного чувства общинности и глубоко проникнутого чувствами материализма и мелкого бюргерства, которые по существу своему консервативнее всех остальных сословий. И если прав Герцен, говоря, что народы — стихии, океаниды, то как же это оправдывается по отношению к русскому народу: он мало поддавался влиянию западно-европейской цивилизации — о положительности или отрицательности этого, здесь речи нет — он делал все стихийно, элементарно, инстинктивно, "спустя рукава". Как всякое "дитя природы" и самобытности, слегка только тронутый чуждой и даже враждебной ему культурой — он стра-

стно, мучительно жаждал и чаял одного; разбить невыносимые, сдавливающие и дух и тело формы, не предопределяя грядущим предоставляя о них исключительно судьбе, случаю, будущему, богу... Так стремятся волны свободно и вольно катятся по безбрежному морю и волны эфира в безграничных воздушных пространствах; так пробивает созревший ципленок скорлупу яйца и выходит на волю; так оставляет бабочка кокон, расправляет крылышки и начинает порхать; так созревший плод оставляет утробу матери и выходит в свет; так созревает зерно пробивает почву и тянется к солнцу... Будущего нет. Была тюрьма настоящего и оттуда он рвался на волю...

Да! В России все пошло прахом, но Иегова только в 6 дней создал небо и землю и остался вполне доволен собой.

И слепота бывает двух родов: естественная, природная, "нормальная", когда человек не видит потому что не может видеть; но есть и иная слепота, искусственная, когда человек не видит потому, что не хочет или считает невыгодным видеть и как страус прячет голову под крыло что бы не видеть. Но природа всегда в большей или меньшей степени ~~накажет~~ **наказывает** о приближении грозы и всякое сущес-

тво чувствует это и спасается по своему и в этом ничего неестественного нет: рыбы спускаются на дно; моряк стремится к берегу; птицы забиваются в гнезда и под кровли; пахарь в поле, спешит к возу прикрыться армяком; русская крестьянка зажигает лампаду у образов, а католическая перебирает четки. Но кто кого будет проклипать и обвинять за грозу и бурю, предположим, и страшную опустошительную и разрушительную. Когда раздался сторожевой оклик Бакунина, который нельзя иначе назвать как "сторонись богачи, беднота гуляет!" когда он советовал частным, всем истинным консерваторам, имеющим ум чтобы понимать и предугадывать необходимые происшествия, всем купцам, попам и дворянам, чиновникам военным и гражданским, любящим спокойствие и мир, и желающим сохранить жизнь, имущество, жен, сестер и детей, всем, кому дороги благоденствие и слава России составить "общество для спасения России от близорукости царской и от преступного министерского шарлатанства" — не поверили. Поверили тогда, когда спустя пол-века с лишним раздалось устами блоковского красноармейца:

Закрывайте этажи, будут ноне грабежи!"

РЕВ. УМЕРЛА—ДА ЗДРАВСТВ. РЕВОЛЮЦИЯ.

Исторические предпосылки революции 1917—1920 г. г. .

Г. П. Максимов (Лапоть).

Когда-то свободный и свободлюбивый русский народ с XVI ст. стал рабом, которого можно было продавать, покупать, дарить, выменивать на собак, проигрывать в карты, сечь, убивать и насиловать "по праву" их жен и дочерей.

Владела этими рабами дворянская каста, во главе с династией Романовых, совершенно безраздельно, ибо духовенство, торговое и ремесленное сословия стояли в правовом отношении

не на много выше многочисленного крестьянства...

Неудачная крымская война вскрыла всю гниль режима и обнаружила пред крестьянском весь ужас его крепостного бытия. Волнения и восстания широкой волной прокатились по России. Трепетало дворянство. Россия стояла пред крестьянской революцией. Но освобождение крестьян сверху предупредило грозу и почти на шестьдесят пять лет отсрочило падение

В О Л Н А

дворянско-патриархального строя.

Мужика освободили, но ему не только не дали земли, но даже отняли часть той, которой он владел при крепостном состоянии. Отнять у русского мужика землю при его оригинальном взгляде на нее: — "Земля ничья, земля — Божья", — значило было создать многомиллионный революционный класс. Это событие толкнуло Россию на новый путь развития, путь капитализма.

Обезземеливание крестьянства создавало нужный материал для денежного насаждения капитализма — класс пролетариев.

Капитализм начал свое быстрое шествие, пролетаризируя крестьян и разоря мелких дворян — землевладельцев. Первые пополняли кадры городского пролетариата, а вторые ряды промежуточного общественного слоя — "интеллигенции".

Благодаря особым специфически — русским условиям общественно-экономического развития, этот промежуточный слой, поскольку противопоставлял свои интересы интересам буржуазии, вписал красивую страницу в историю революционного движения России.

Таким образом капиталистические формы хозяйства породили новые общественные слои и изменили старое соотношение сил.

Дифференциация общественных сил пошла по линии экономических интересов: старое родовитое дворянство, владевшее обширными землями и государственным аппаратом, который в своих интересах, т. е. к защите самодержавия, привилегий дворянства и крупного землевладения; промышленная и финансовая буржуазия, стремившаяся к европейским демократическим формам государственности, представлявшим простор ее аппетитам и дававшим ей господствующее положение в государстве; крестьянство и пролетариат — первые стремились к овладению землей, а второй к уничтожению капиталистической системы и, наконец, революционная интеллигенция, организовавшаяся в конце 90-х годов в партии социал-революционную и социал-демократическую и, небольшая

часть, в 1901—2 г. г. в анархические группы.

При таких соотношениях общественных сил началась революция 1905-6 г. г.

Неудачная война с Японией послужила сигналом к революции; она не замедлила с могучей стихийной силой охватить всю Россию.

Крестьянство восстало за землю, сжигало помещичьи усадьбы, захватывало инвентарь и делило землю, организовывалось во "Всероссийский Крестьянский Союз". Рабочие организовывались в союзы, советы рабочих депутатов, вопреки желаниям социалистических партий, а в некоторых местах пытались организовывать фабрично-заводские комитеты. Буржуазия же стремилась использовать революцию в своих интересах. Революция была разбита. Только буржуазия извлекла из нее кое-какие выгоды. Дворянство продолжало оставаться правящим сословием. В течении одиннадцати лет правительство пыталось возратить потерянное. Оно вело борьбу не только с пролетариатом, но и с буржуазией. Оно боялось всего. Страх не позволил ему дать буржуазии возможность организовать, подготовил тем самым ее поражение в 1917 году. Царизм доживал последние дни, это чувствовалось. Только одна победоносная война могла спасти ее на время...

Война обманула надежды: она затянулась на годы... Страна стонала. Около 15 миллионов крестьян и рабочих было призвано под ружье (правительство само вооружило два революционных класса), рабочие тыла были милитаризованы, правительство, пользуясь военным временем, старалось военными мерами укрепить свое положение. Наглая реакционная политика, измена генералов, неумелое ведение войны, казнокрадство, пьянство и разврат при дворе, ставший достоянием широкой гласности, налочная система в войсках, поборы, налоги, реквизиции, мобилизации, дороговизна, каторжный труд и низкий заработок, перспективы голода, разочарование и усталость от войны переполнили чашу долготерпения. Чувствовалось приближение бури и буря пришла. Грянул гром и сверкнула молния народного гнева; за-

жившийся монархизм исчез, как дым, сплотив против себя все общественные элементы.

Пришла революция.

...2 Буржуазно - социалистическая эпоха революции.

Революция пришла в грозе и буре международного побоища. Пришла она из грязных рабочих кварталов Петрограда. Робкая, застенчивая она потребовала только лишь хлеба, потом робко заявила претензию на мир, а потом и на свободу.

"Хлеба, мира и свободы", требовали рабочие, вылезшие из своих нор на пышные улицы столицы.

Напрасно царский генерал Хабалов призвал рабочих к станку, обещал исправную выдачу хлеба из пекарен, напрасно угрожал некоторым мобилизацией; Напрасно Протопопов расставил на крышах пулеметы; напрасны были и вопли о спокойствии архибуржуазной Гос. Думы...

Революция пришла... Она отбросила свою робость и застенчивость и властно потребовала для трудящихся не хлеба из булочных, а хлеба - достатка, сытого существования для всех при свободе и мирной жизни всех. Она вдохнула в сердца энтузиазм, вооружила рабов и заразила всех, — и буржуа, и обывателя — святым вдохновением своим.

В три дня, как по мовению жезла волшебника, без лишней крови стигнул безвозвратно царизм.

Россия остановилась заворуженной перед широко открывшимися дверями широчайших возможностей.

Организовались советы, фабрично-заводские, земельные и долговые комитеты, без сопротивления и безболезненно смещалась царская администрация, вся жизнь сосредоточилась в руках гражданских и рабочих комитетов.

Революция, без влияния каких бы то ни было партий, сразу пошла глубоко и по анархически.

Одновременно с победой на политическом фронте она одерживает ее, благодаря стихийной

организации фабрично - заводских комитетов, и на экономическом: восьми часовый рабочий день увеличение заработка и, самое главное, ограничение произвола предпринимателя через подчинение его контролю Ф.—З. комитетов.

Громадная армия не отстала от рабочих и крестьян: приказ совета № 1 облетел всю страну и солдаты организовали свои советы, сменили неугодных и контр-революционных офицеров и генералов. Революция приобрела надежную защиту: армия с ней, Она готова за нее пролить кровь.

Энтузиазм дошел до высшего напряжения в день похорон эсеров, павших в борьбе за революцию. Незабываемая картина!..

Первые слезы радости, после долгих слез горя... Громадный город высыпал на улицы, — старики и дети, солдат и генерал, рабочий и буржуй, интеллигент и обыватель, все, шли в траурной процессии, чтобы сказать последнее прощанье, положившим жизнь свою за счастье всех.

Россия, вчерашняя царская Россия, стала свободной страной. Но минули праздники победы. Жизнь предъявила свои права. Началась судорожная организация сил и борьба интересов.

Заработала буржуазия, но увы, она молода, неорганизована, неопытна, а главное бессильна, почему и либеральна.

Рабочий и крестьянин взяли свою судьбу в свои руки. Пролетариат, несмотря на свою неорганизованность и невысокий культурный уровень, организовался раньше всех и держал в своих руках: все было в его распоряжении. Только его неопытность и доверчивость оторвали окончательную победу над буржуазией. Он не протестовал против самочинного захвата власти буржуазией, но он следовал только тем ее приказам, которые совпадали с его желанием. Одна буржуазия не могла укрепиться и призвала на помощь социалистов. Они пришли, но не спасли ее и погибли сами.

Революция требовала мира, а правительство не решалось выйти из войны; революция требо-

вала довольства для всех в пределах возможного, а правительство не решалось лишить роскоши немногих для достатка всех. Революция требовала свободы, основанной на экономическом равенстве, а ей давали отвлеченную политическую свободу.

Видя это пролетариат поступал по своему, он, прислушивался к голосам анархистов и большевиков, устанавливал полный контроль над производством или захватывал фабрики и сам ими управлял, захватывал оружие и организовывал по заводам дружины "красной гвардии", обучаясь военному делу после тяжелой работы. Крестьяне захватывали землю и распределяли ее при помощи своих комитетов; Советы заявляли о независимости от центральной власти и делали попытку свергнуть ее, проводя, сами того не сознавая, анархическую идею вольных советов; армия решила заключить мир сама через головы русской и немецкой буржуазии: начала применять метод братания, призывая немецких солдат последовать их примеру.

Буржуазия скрежетала зубами, но была бессильна. Ее ставка была бита пролетариатом: корниловщина была раздвлена.

Темная масса взяла не только анархический метод борьбы, но и методы строительства: федерация вольных советов в области политической, федерация фабрично-заводских комитетов в Конфедерацию Труда в области экономической, федерация домовых комитетов и городов и т. д.

Буржуазия вопила об анархичности революции, обвиняла большевиков в анархизме, так как они шли за массами и защищали их требования, вопила о гибели государственности и ее основ и после долгих колебаний решила применить репрессии по отношению к анархистам (разгром даки Дурново) и большевикам (конфискация газет), но, увы! Это не помогло, как не помогли ни московское государственное совещание, ни ублюдочный "предпарламент".

Пропасть увеличивалась. Две силы революции столкнулись.

Грянул гром ноябрьской революции.

3) Ноябрьская Революция.

Вооруженные рабочие Петрограда совместно с его гарнизоном и кронштадскими матросами в несколько часов покончили с буржуазно-социалистическим правительством. Страна не противодействовала, только одна Москва оказала упорное сопротивление, но оно было сломлено рабочими, так же как авантюра Керенского—Краснова. Революция в своем беге достигла максимального успеха, полной победы. Под пролетарскими ударами рушились устои буржуазно-капиталистического общества....

Законы отменены, Их место заняла революционная совесть. Государство ликвидировалось... Учредительное собрание рукою анархиста разгоняется, на его место стали советы. Капиталисты разбежались, их заменили Ф. З. комитеты. Домовладельцы потеряли дома, перешедшие в владение жильцов в лице домовых комитетов; помещики потеряли землю, ее взяли крестьяне. Началась полная социальная ликвидация.

Армия решила не воевать и разошлась по домам, заявив, устами Троцкого: "Война окончена, мир не подписан". Рабочие продолжали захватывать производство. Правительство пришло им на помощь, издавая декреты, имевшие для рабочих лишь моральную санкцию, о национализации целых индустрий и отдельных предприятий.

Началось строительство новых форм жизни самой массой при активном участии большевиков, левых с-р. и анархистов.

Свобода была полная и невиданная. Россия стояла на пути к новому обществу о котором раньше лишь только мечталось.

Революция творила чудеса. Большевики, ярые централисты, заразились духом революции и признали не только ненавистный марксистам принцип федерализма, но более того, внесли в конституцию пункт о временности современной полу-государственной формы, ибо целью трудового народа является безгосударственное существование.

Но праздник победы сменился буднями. Ока зависшие твердо стоящими у власти большевики почувствовали себя марксистами и начали рас-

чищать путь для применения марксистского рецепта. Армия разошлась. Нужно создать защиту революции. Прокламируется всеобщее вооружение трудящихся, от которого потом, при основательных ссылаках на белые фронты, перешли к наемной "Красной Армии", а в последствии при тех же ссылаках к принудительной армии.

Революционные матросы, постоянная угроза правительствам, под благовидным предлогом распускаются по домам, дабы избавиться от неприятных союзников, и через некоторое время восстанавливают флот, сперва вербуя добровольцев—наемников, а потом проводят и мобилизацию.

Под предлогом нужды в оружии для фронтов, обезоруживается население городов, крестьяне и рабочие. На заводах насаждаются коммун. ячейки, оно правительство и в то же время революционная организация, при их помощи насаждается рабочее управление и от него переходит к единоличному управлению. Социализация земли превратилась в национализацию. Советы постепенно подчиняли верховной власти при помощи партии, не потерявшей еще внешней революционности. Постепенно, но методично и умно, стали душить печать: сперва буржуазную, за ней социалистическую, а за тем революционно — социалистическую и анархическую. Появилась цензура, военная по названию — политическая по — сути, цензурировавшая даже визитные карточки. Явилось государство, с военной силой, застенком и палачем.

Государство все национализировало, все регламентировало и размеряло, подчинило своему контролю каждый шаг, каждое движение гражданина "социалистического отечества" и поступало с ним как с рабочей скотиной: трудмобилизации, трудовинности, субботники, обязательное членство в профсоюзы и т. д. Образовалось два класса: правящие и управляемые. Управляемые обречены на беспрекословное подчинение: всякие протесты жестоко караются. Начались припадки терроризма, расстрелы, расстрелы и кавалерийские набеги чека. Жизнь стала мукой. Установился режим всероссийской

каторги, режим комиссародержавия, воскресная султановщина.

Теперь революция задушена, инициатива убита, есть армия, есть жандармерия, шесть сыскных отделений с застенками и 200-300 т. вооруженных коммунистов и поэтому продадим пролетариат во имя пролетариата. Начался возврат к капитализму на всех парах "всерьез и надолго". Революция кончилась—большевики у власти. Революция кончилась, но не кончилась, товарищи, борьба за нее. Эта борьба продолжается в тяжелых, в невероятных условиях, которых вы даже не сможете представить.

4) Революция умерла, да здравствует революция!

Коммунистическая реакция, товарищи; так далеко зашла в России, что с ней не может сравниться Испания. Произвол, туретчина царит в стране.

Всякие попытки избавиться от ига клейматся как контр-революционные и жестоко подавляются военной силой и револьвером чека. Коммунистическая власть не останавливается ни перед чем. Немало деревень центральной России, Поволжья и Украины снесено с лица земли артиллерией Троцкого, не мало перебито и расстрелено матросов за "контр-революционное восстание" в Кронштадте. Тюрьмы и концентрационные лагеря необъятной России переполнены анархистами, левыми социалистами, беспартийными революционными рабочими и крестьянами, не мало их сослано в далекие, дикие, голодные северные окраины. А сколько замучено и расстреляно чекой! За что? За "контр-революцию". Ведь в России идея федерации вольных советов — идея контр-революционная; идея федерации Ф. З. К. — контр-революционная; свобода слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности, жилища и т. д. — буржуазные предрассудки. Отмена смертной казни, заложничества контр-революция... Все революционное и человеческое стало контр-революционным.

Коммунистическая партия раскинула своих агентов по всем предприятиям, учреждениям, заводам и домам. Нет места, где бы не было

агента—провокаatora или чекиста, ибо все члены партии должны быть чекистами.

Неосторожное слово на рабочем собрании, митинге, на улице или даже в квартире влечет арест и тюрьму.

Устная пропаганда трудна, еще трудней печатная. Оппозиционной прессы ни левой ни правой нет. Подпольные газеты быстро обнаруживаются, ибо типографии в руках государства и в каждой типографии имеется агент или коммунистическая ячейка. Приходится прибегать к кустарному способу печатания или ставить нелегальную типографию, что при существующих полицейских условиях почти невозможно. А работать надо, тем более что новая экономическая политика внесла щели в плотно сбитый политический аппарат. Пропаганду можно вести уже легче, чем год тому назад. Пропаганда требует печатной листовки, злободневной брошюры и газеты, а этого при создавшихся условиях в России нельзя иметь,

Россия этим сейчас может снабжаться по преимуществу извне.

Теперь в России один лозунг: Революция умерла, да здравствует революция!

Ясно, долг каждого, не только русского, революционера поддержать этот лозунг, прийти на помощь в борьбе за революцию. Примемся, товарищи, внов со старой стойкостью и самоотверженностью за разрушение старого государственного — капиталистического и народившегося государственно — коммунистического общества, с тем чтобы на их развалинах построить новое безвластно — коммунистическое.

Вперед! На борьбу, за растоптанные большевистским сапогом идеалы тысяч рабочих крестьян, отдавших жизнь в четырехлетней борьбе!

Организуйтесь! В организации — сила и залог победы.

22—11—1922

АНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ.

ЖОРЖ БАРЕТ.

Глава-3. (Продолжение)

Для того, чтобы ясно показать, что подразумевается под выражением **ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ**, возьмем следующую иллюстрацию: Немного лет тому назад, если случалось великое национальное несчастье, такое как нашествие чумы, религиозные люди заявляли, что единственное спасение для нас, как для нации, молиться Богу, чтобы он снял свое проклятие. Эти добрые люди были очень поражены когда пришли ученые и начали применять просто санитарные предосторожности, чтобы остановить заразу. Первый был не прямой метод. Молитвы были направлены в небо с тем, что Господь, может быть, пошлет свое доброе влияние на чуму. Это был очень не прямой путь к достижению заразы, которая, так сказать, была по соседству. Ученые направи-

ли свою энергию прямо на самую заразу, изучили ее свойство и старались найти средство, чтобы остановить ее. ЭТО БЫЛО ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Сегодня совершенно в таком-же роде люди разделены двумя методами. Они недовольны своими фабриками и домами, и некоторые из них полагают повлиять на главу общества — парламент и он будет выполнять свою власть так, что положение вещей будет правильно. Эти люди в свою очередь поражаются когда приходят передовые мыслители и заявляют, что путь к исцелению—это изучить свойство недовольства и применять лечение непосредственно к нему. Первые верят в не прямой, законодательный метод, т. к. это очень далекий путь из дому в Вестминистер

и обратно. Последние, прямые деятели, они сознают, что если кто и приведет фабрики в порядок, то это будут рабочие, которые проведут в них всю свою жизнь, а не политики.

Представьте более крайнюю нелепость чем группа политиков заседающих в Палате Депутатов, яростно дискутирующих о благополучии народа. Пока они это делают, бесчисленное число пекарей, строителей и портных бродят по улицам без работы, оторванные, проведенными теми-же политиками за конами, от средств производства, машин, инструментов, которыми они могли бы производить все что им нужно.

Разрушить законы и дать возможность этим людям производить все то, что необходимо для их благополучия, на равных началах с другими рабочими—вот путь к уничтожению нищеты.

Это ясно, что если мы хотим освободить себя от зол, которые осаждают нас в настоящее время, мы должны организовать совершенно новую систему распределения богатств. Я этим не думаю, что мы должны все разделить, но я думаю, что богатство, которое производится, должно быть остановлено от течения к ничему неделающим богачам; поток должен быть направлен так, чтобы оно попадало прямо к производителю.

Но кто же распределяет богатство? Политики ли это? Конечно нет. В действительности это транспортный рабочий. Если теперь рабочие, которые производят, захотят переустройства современного распределения, то к кому они должны обращаться?

К товарищам транспортным рабочим а не к политикам, которые с этим ничему общего не имеют. То-же самое когда нужны будут лучшие условия в фабриках—большие постройки, лучшие полы, больше света и вентиляции, кто единственно в состоянии это сделать? Это рабочие, кому нужны эти реформы, и рабочие могут их выполнить.

Задача перед рабочими в настоящем та же самая, что была и в прошлом: класс рабочих должен освободить себя от класса диктаторов

—от тех, которые у власти.

Такова простая логика ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ и уже совершенно ясно как она не обходимо ведет к Анархической Революции. Мы должны, тем не менее, быть осторожны в следовании этому принципу; не потому что мы боимся, что он заведет нас слишком далеко, а наоборот, что это не приведет нас достаточно далеко. Выражение прямое действие употреблялось так много в противовес законодательству, что каждый кто бросает кирпич в окно обыкновенно принимается за человека совершающего прямое действие. Это может быть и так, а может и нет.

Быть логичным и верным действительному значению этого выражения каждый акт должен быть на правильном пути по направлению желательного конца—в нашем деле Социальная Революция. Иногда очень трудно быть настойчивым, но это, тем не менее, в высшей степени важно, чтобы хотя было меньшинство рабочих, которые бы понимали, что каждое сделанное ими столкновение, было шагом по направлению полного свержения капитализма.

Рискуя повторять одно и то же, я все таки постараюсь выяснить положение как можно яснее. Мы имеем два класса—правящих и имущих с одной стороны и неимущих с другой; словом господствующий и рабствующий классы. Когда этот рабствующий класс делается недовольным и упрямым, он имеет несколько путей, которые он должен рассмотреть раньше чем решить какой из них даст лучшие результаты.

Возьмем следующие аргументы:

1) —Что раз господа положения не дают достаточно нужных и хороших вещей для жизни, то они должны быть свергнуты и заменены новыми избранными из порабощенного класса;

или

2) —что раз порабощенный класс состоит из производителей, а потому господствующий класс от него всецело зависит, то в состоянии заставить последний дать ему больше пищи и

всего что необходимо;

или

3) — Что раз порабощенный класс является производителем всего, что необходимо для жизни, то поэтому для него нет нужды ничего не спрашивать ни требовать от господствующего класса, а просто отрезать все продукты от хозяев и начать кормить себя.

Первый из этих аргументов, как видно, принадлежит политикам и может быть оставлен без дальнейших комментариев, так как понятно, что после всего, что уже было сказано он не достигнет цели. Это не вопрос кто будет господином но это дело существенного соотношения между господином и рабом, совершенно безразлично кто из них будет тем или другим.

Второй аргумент принадлежит не парламентарскому, но и не революционному тред-юнионисту. Он прав в том, что признает где лежит неоспоримая сила рабочих в их борьбе против капиталистов, но ошибается в том, что он не предлагает никакой перемены в их отношениях.

Если порабощенный класс будет снабжать себя лучшими домами, будет лучше кормиться и одеваться из магазинов господ, то это означает, что рабы перейдут в полную собственность последних. Это предложение есть не революционно потому, что оно предлагает оставить господина и раба и только намеривается улучшить условия последнего.

Третий аргумент безусловно аргумент революционера. Он соглашается со вторым в том, какое орудие должно быть употреблено, но он говорит, что задача перед рабочими — это кормить, одевать и образовывать себя, а не тратить свою энергию на устройство лучших господ из капиталистов. Отрезать снабжение капиталистов и оставить все что производится для рабочих — вот главная задача революционной борьбы.

В каждом индустриальном диспуте есть действительно две и только две главные сущности. С одной стороны — фабрики, склады, жел.

дороги, шахты и т. д., которые могут быть определены как индустриальная собственность; с другой стороны — рабочие. Соединить эти две сущности — значит совершить революцию, ибо на них будет построено новое общество.

Капиталистический и господствующий классы в общем смогут держать занимаемое ими положение до тех пор, пока они сумеют удерживать рабочих вне складов и фабрик, вне средств к жизни; до тех пор, пока простым людям будет разрешаться пользоваться этими средствами только под строгим пониманием, что они должны приносить пользу и подчиняться диктуемым им условиям. Выйти на забастовку всушности, простой бунт, а не революция, как бы хорошо это не было сделано; оставаться и работать на условиях равенства, свободными от диктатуры ненужного господствующего класса — есть единственный объект революционера.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ, поэтому, в строгом революционном смысле означает, занятие всех средств производства и необходимостей к жизни рабочими, которые их производят и организацию индустрии согласно принципам свободы.

Доктрина Прямого Действия не является тем, что она принесет рабочим легкое спасение, а на самом деле это сознание простого факта, что, ничто не сможет спасти нас кроме нашей собственной сознательности и силы. Мы рабочие являемся созидательной силой. Не мы ли произвели всю пищу, одежду и дома? Без сомнения это мы, которые и нуждаемся в них. Что же здесь делать политикам? Нечего, совершенно нечего.

Какая польза отдавать господствующему классу все то, что мы производим, а потом вечно ссориться сколько мы должны получить обратно? Вместо этого мы должны остановить снабжение, реорганизовать наши индустрии не сверху, а с самого их источника, снизу и стараться, чтобы в будущем все что производится шло прямо к производителю, а не к домам

нирующему классу. Это значение прямого Действия—это АНАРХИЗМ.

Но увы!.. Гораздо легче осуществить революцию на бумаге с холодной логикой, чем произвести ее в индустриальной жизни. Мы должны бороться с недостатком понимания со стороны рабочих и с лукавством политиканов беспрестанно работающих, чтобы увеличить это непонимание; в добавок ко всему мы имеем действительность, что класс у власти продолжает сопротивляться с единственным имеющимся у него аргументом—грубой силой. В то время как это важно понимать, что Прямое Действие правильно направленное означает захват хлеба и занятие фабрик, мы должны довольствоваться, возможно в продолжение некоторого времени, пользованием оружием прямого действия просто по второму из трех аргументов сказанных выше, т. е. требовал лучших условий от капиталистического класса. Но, тем не менее, не много будет надеяться, что в очень скором будущем анархисты сформируют боевую секцию рабочих, которые придадут каждому индустриальному восстанию революционный характер, в его правильном смысле. Рабочие также как и капиталисты начинают сознавать, что хорошо задуманная схема кормления забастовщиков более чем возможна. Такая схема последует за занятием пекарен, а это, несомненно является первым шагом революции.

В О Л Н А

Помимо этой действительной проблемы, простой, но великой, как ложны, как забавны обещания политиканов. Какая абсурдная идея достигнуть свободы посредством голосования. Эти беспомощные правительственники говорящие с таким глубоким тупоумием о кормлении и одевании, только прибавляют оскорбление к приносимому ими вреду. Дом, в котором они говорят свои глупые речи, был построен и обставлен рабочими, которые кормят и одевают их.

Кроме нашего собственного сомнения и выжидания, что, после всего, стоит на нашем пути? Давайте воодушевимся видя беспомощную позицию наших врагов!

О как беспомощны они!.. Не рабочий ли точит полицейскому палку, а его ненужный мундир за бесценок строчит женщина? Солдатская винтовка безусловно, не выделяется господствующим классом; каждой вещи они беспомощно зависят от нас. Каждый инструмент притеснения снабжается для них нами и мы поддерживаем их жизнь кормя их изо дня в день. Из всего этого ясно и очевидно, что перемена должна придти. Те кто наверху бессильны, как для добра, так и для зла; революция может придти только восстанием снизу, с восстанием самой жизненной части общества—рабочих.

(Окончание следует).

ЗАЯВЛЕНИЯ РЕД. КОЛЛЕГИИ:

- 1) — Прислать сообщить в Редакционную Коллегию, где в группах имеются для распространения №№—18 и 19 журнала "Волны", а также следующие книги:
"Будущее Общество" — Ж. Граве
"Хлеб и Воля" — П. Кропоткина и
"Краткое излож. политич. экономии" — А. Карелина.
- 2) — В очень недалеком будущем, выходят из печати две брошюры: "Программа XX века" А. Кочегарова и "Как и за что большевики изгнали анархистов из России" Г. Максимова (Гр. Лапоть).
- 3) — Всем следящим за американской прессой известно (а внимание не-следящих обращаем), что в одной из буржуазно-капиталистических газет, а именно: прислужнице вильсоновской демократии "World'e", в конце марта и в начале апреля печатается ряд статей нашего старого и боевого товарища Эммы Гольдман, содержащих в себе общий обзор положения дел в

России при большевистском режиме, а также разоблачения деятельности различных центров их управления. Считаем: что выступления на борьбу с большевизмом, обнажая его недочеты, промахи и ошибки, освещающая, как личностей, "большевиков" — властвующих в Сов. России, — в сотрудничестве с непримиримыми врагами анархизма и душителями свободного общества, избрав для того орудием их печатный орган — абсолютно недопустимо для анархиста. Этот вопрос не может обойти молчанием ни одна анархическая организация, а посему Ред. Коллегия предлагает всем группам на местах обсудить его и вынести свое определенное решение, формулировав которые, она, в свою очередь, выступит в журнале в одном из ближайших номеров. Вопрос не касается самого содержания статей, ибо она, помещая статьи в анархической прессе, было бы более чем ценно для всего анархического движения.